КРИСТИНА ЮРАШ



Сумасшедшая жена.

Ты устанешь просить прощения, дракон!

ТЁМНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Кристина Юраш

Сумасшедшая жена. Ты устанешь просить прощения, дракон!

«Автор»
2026

Юраш К. Ю.

Сумасшедшая жена. Ты устанешь просить прощения, дракон! /
К. Ю. Юраш — «Автор», 2026

Свекровь взяла на пару дней внука и чуть не угробила его! Теперь эта старая тварь пытается подставить меня перед мужем. Она и её воспитанница уверяют, что до моего приезда ребёнок был жив и здоров. А значит, это я виновата, что теперь он лежит без сознания и не приходит в себя.Теперь она и ее воспитанница в один голос твердят, будто я дала сыну какое-то зелье. И даже предъявили доказательства! Меня считают опасной для собственного ребёнка и запрещают даже приближаться к нему.А ведь когда-то я пыталась понравиться свекрови. Выбирала подарки, пропускала мимо ушей её колкости. Теперь никто не может помочь моему ребёнку. Муж считает меня чудовищем, а свекровь продолжает подливать масла в огонь.Но самое страшное — я слышу голос сына из его любимой игрушечной лошадки. Для мужа это окончательное доказательство моего безумия.Ведь если меня объявят сумасшедшей, кто поверит тому, что я узнала о её преступлении? Кто спасет моего сына?

© Юраш К. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 11
Глава 3 13
Глава 4 14
Глава 5 15
Глава 6 16
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 20
Глава 10 21
Глава 11 22
Глава 12 24
Глава 13 25
Глава 14 26
Глава 15 27
Глава 16 28
Глава 17 29
Глава 18 30
Глава 19 32
Глава 20 34
Глава 21 36
Глава 22 37
Глава 23 38
Глава 24 40
Глава 25 42
Глава 26 44
Глава 27 45
Глава 28 47
Глава 29 48
Глава 30 50
Глава 31 51
Глава 32 53
Глава 33 54
Глава 34 56
Глава 35 58
Глава 36 59
Глава 37 60
Глава 38 62
Глава 39 63
Глава 40 64
Глава 41 66
Глава 42 67
Глава 43 68
Глава 44 70
Глава 45 72

Глава 46 74
Глава 47 76
Глава 48 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Кристина Юраш
Сумасшедшая жена. Ты устанешь просить прощения, дракон!

Пролог

— Таких матерей, как ты, убивать надо! Посмотри, что ты наделала! Им ни в коем случае нельзя доверять детей! Ты… ты его только что убила! Поверить не могу! Родная мать… — кричала свекровь, глядя на то, как я сжимаю безвольно повисшую руку четырёхлетнего сына.

Она кричала так громко, что, казалось, её слышало всё поместье. Но даже её крики не заставили ребёнка пошевелиться.

— Что?! — опешила я, глядя на неподвижного ребёнка. — Вы в своём уме?! Я только вошла в комнату! Я разрешила вам забрать внука на несколько дней, приезжаю, а он…

Мой голос сорвался, когда я снова посмотрела на сына.

— Моя воспитанница Нелли своими глазами видела, как ты дала ему какое-то зелье, — возразила свекровь. — Девочка прибежала ко мне и сказала, что моему внуку стало плохо. Иначе бы я не спешила из библиотеки с больной спиной так, словно мне двадцать лет!

Меня затрясло от этой наглой лжи, и мне захотелось влепить ей пощёчину. Огромные, холодные, блеклые, словно выцветшие от времени глаза свекрови, окружённые сеточкой морщин, смотрели на меня с нескрываемым торжеством.

— Вы прекрасно знаете, что это ложь! — прошипела я, глядя, как любопытная Нелли вертится в дверях. Она даже не покраснела, не опустила глаза. — Я никаких зелий сыну не давала! Ему запрещено давать зелья! Вы просто… просто пытаетесь меня подставить!

Нелли бросила тревожный взгляд на хозяйку, которая смотрела на меня так, словно уже одержала победу в войне, которую сама себе придумала. От Деворы разило тяжёлыми, удушающими, дорогими духами, а золотая вышивка на платье была усыпана бриллиантами.

— Посмотрим, что ты запоёшь, когда мои слова подтвердятся! Это ещё мой сын не знает. Он тебя убьёт на месте за то, что ты сделала! — усмехнулась свекровь, глядя на меня так, словно я была грязной лужей.

Мне захотелось спрятать лицо в руках, потому что я не верила собственным глазам.

Семь минут назад я вошла в комнату, которую моя свекровь выделила внуку. Долгий путь от столицы до поместья свекрови был позади. Я ожидала услышать топот детских ножек, радостные крики: «Мамочка приехала!» Я так соскучилась по сыну за эти дни, что слёзы радости сами выступили на глаза от мысли, что сегодня малыш возвращается домой.

По дороге к поместью снег лежал по обе стороны тракта нетронутыми сугробами. Колёса кареты то и дело попадали в замёрзшие колеи, а я представляла, как Илеан выбежит встречать нас и похвастается, сколько снежков успел слепить у бабушки.

Нелли проводила меня до двери детской, но сама внутрь не вошла. Она оставила меня у порога и ушла. Я не стала дожидаться Деваира.

Но вместо детских криков и топота я услышала тишину.

Маленький Илеан лежал на кровати, и сначала мне показалось, что он спит. Я даже обрадовалась, ведь уложить маленького дракона спать — очень непросто!

Я не хотела его будить громкими звуками, поэтому осторожно подошла к кровати.

Я бережно откинула одеяло, чувствуя, как сердце разрывается от нежности к моему мальчику, и вдруг увидела страшную картину.

Мой сын лежал на спине с открытыми глазами и не моргал. Чёрная чешуя покрывала часть его лица и шею, проступала на каждой маленькой ладошке. Всё, что виднелось из-под одеяла, тоже было чёрным.

Несколько секунд я не могла поверить глазам. Муж задержался с управляющим, а я смотрела на неподвижного ребёнка, пока в голове звучало только одно: «Он умер… Умер… Мой мальчик мёртв!»

Я помню, как прижала руку к губам, не понимая, тошнит меня от ужаса или крик, который должен был вырваться из груди, застрял где-то в горле. Звон в ушах заглушил все остальные звуки, ноги стали ватными, и я рухнула возле его кровати.

«Нет! — кричало что-то внутри. — Это страшный сон! Проснись, Элла! Проснись! Этого не может быть!»

«Это я во всём виновата! Нужно было спорить, упираться, кричать! Говорить, что ему нечего делать у бабушки! Пусть лучше сидит дома! Зачем я тогда согласилась?!» — пронеслось в голове, а мне казалось, что тело больше мне не принадлежит.

«Зачем я согласилась на то, чтобы он погостил у бабушки?!»

Я попыталась закричать, но голоса не было совсем.

И в этот момент открылась дверь. В дверном проёме появилась свекровь, а за её спиной — Нелли. Герцогиня Девора Сильверстайн, мать моего мужа, прижала ладонь ко рту и чуть не осела, увидев эту жуткую картину.

Однако уже в следующее мгновение выпрямилась и закричала в коридор:

— Быстро, Нелли! Позови моего сына! Он сейчас разговаривает с управляющим! Быстро! Чтобы бегом бежал сюда! Скажи, что с сыном беда!

Нелли ещё раз заглянула в комнату, побледнела, а потом бросилась бежать, оставив дверь открытой.

— И лекаря! Срочно! — продолжала кричать свекровь.

Я была благодарна ей за то, что она позвала на помощь, когда сама я не могла даже пошевелиться от ужаса.

Единственное, что я могла делать, — это осторожно гладить большим пальцем детскую ладонь, надеясь, что сын хотя бы пошевелится. Но маленькие пальчики оставались неподвижными.

От подушки пахло детским мылом и чистым бельём. Этот привычный запах никак не вязался с чёрной чешуёй на лице Илеана.

А потом прозвучала та самая фраза, от которой мне захотелось убить эту женщину:

«Ты его только что убила!»

Чтобы я причинила боль собственному ребёнку?!

Но свекровь орала так, словно весь дом должен был слышать о том, какая я ужасная мать!

И тут я словно очнулась. Ярость переполняла меня, пока я пыталась понять, что здесь произошло.

— Замолчите немедленно! Что вы сделали с моим ребёнком? — закричала я, сдирая дорожные перчатки и бросая их на паркет. — Отвечайте! Что с ним?! Я отдавала вам здорового мальчика! Это что такое?!

— Как ты смеешь разговаривать с матерью мужа таким тоном? — прошипела свекровь и влепила пощёчину, от которой зазвенело в ушах.

Я тут же схватилась за щёку. От неожиданности даже не успела отстраниться. Горячая боль разлилась по лицу, а в глазах на мгновение потемнело. Такого я не ожидала. Сквозь звон в ушах до меня доносился возмущённый голос Деворы:

— Ещё матерью себя называет! Правильно я говорила сыну: выбирай любую невесту, кроме Эллы де Алири! Но нет! Назло матери он женился на тебе! И вот во что это вылилось! Угробила ребёнка, а теперь ещё указывает мне! В моём собственном доме!

Даже сейчас свекровь выглядела безупречно: седые волосы гладко уложены, высокий кружевной ворот обрамляет шею, а на пальце поблёскивает тяжёлый фамильный перстень. Лишь тонкие губы заметно побледнели.

— Когда я вошла в комнату, он уже был в таком состоянии! — закричала я, глядя на её холёное и надменное лицо. — Я не знаю, что вы с ним сделали! Вы забрали у меня здорового ребёнка! Что с ним?!

Я снова посмотрела на Илеана. Его неподвижный взгляд был направлен поверх моего плеча, и мне никак не удавалось привлечь его внимание. Я провела рукой перед его глазами, надеясь увидеть хоть какое-то движение, но он даже не моргнул.

— Здорового?! — надменно усмехнулась свекровь, словно я сказала какую-то нелепость. — Ты называешь его здоровым? Никогда ещё в роду Сильверстайнов не рождалось такого слабого дракона! Никогда! Мой сын в его возрасте уже мог поднять шкаф одной рукой! А твоему вообще нельзя приближаться к источнику сильной магии, по словам доктора! Никаких зелий, никаких заклинаний! И это ты называешь здоровым драконом?! Чушь!

Меня передёрнуло от её слов.

Я прекрасно знала, насколько слабым родился мой сын, но до приезда сюда он был живым, подвижным ребёнком. Он смеялся, играл, бегал по ступенькам с криками: «Мама! Смотри, как я умею!»

А теперь лежал передо мной, покрытый чёрной чешуёй, и равнодушно смотрел в видимую одному ему точку.

Свекровь оттолкнула меня от кроватки и присела рядом с ребёнком.

— Прекратите меня обвинять! Я не причинила бы вреда своему ребёнку! — вспылила я, глядя на то, как свекровь гладит его руку. — Это я должна у вас спрашивать, что здесь случилось!

Мне хотелось оттолкнуть её и самой взять сына за ладонь. От Деворы пахло густыми цветочными духами. Стоило ей склониться ниже, как сладкий аромат заглушил запах детского белья.

Когда мой сын только родился, Девора вечно была недовольна Илеаном, а теперь изображала такую заботу, словно всю жизнь только и делала, что беспокоилась о внуке! И сейчас меня тошнило от этого лицемерия!

Свекровь посмотрела на меня с таким видом, словно я мешала ей заботиться о собственном внуке.

И тут же добавила тихо-тихо, чтобы слышала только я:

— Давно пора было от тебя избавиться, Элла де Алири! Я сразу сказала сыну, что из всех неподходящих невест ты — самая неподходящая…

Ещё недавно я пыталась понравиться этой женщине. Всего несколько недель назад выбирала ей роскошный подарок на день рождения и собственноручно подписывала открытку с тёплыми пожеланиями. Надеялась, что она наконец сменит гнев на милость.

А теперь Девора смотрела на меня своими холодными, выцветшими глазами. И мне вдруг подумалось, что за этим взглядом нет ничего, кроме ненависти.

Глава 1

Я оттолкнула её и склонилась над сыном.

— Илеан, посмотри на меня, — попросила я, наклоняясь так низко, что волосы коснулись его лба. — Солнышко, мамочка приехала. Мама здесь… Ну моргни, пожалуйста. Хоть разочек.

Я сглотнула. Во рту пересохло так сильно, что даже ласковые слова выходили хриплыми.

Я легонько сжала его ладонь, потом погладила по щеке. Под пальцами ощущались мелкие чешуйки. Они были тёплыми, и это хоть немного успокаивало меня. Тёплый, не холодный… Это значит, что он жив.

Мне отчаянно хотелось почувствовать, как он шевельнёт пальчиками, нахмурится или хотя бы отвернётся от моих прикосновений. Но ничего не происходило.

Перед глазами встал тот день, когда свекровь приехала к нам и предложила взять Илеана погостить в её загородном поместье.

Я была против. Поместье свекрови находилось там, где, как говорила моя бабушка, волки спать боятся. Такое расстояние меня пугало.

Если бы поместье было хотя бы в предместье, я бы ещё подумала. А если ребёнку потребуется доктор? Сколько ему добираться в такую глушь?

«Разве я чужой человек?! Разве я не сумею позаботиться о своём внуке?! — раскричалась тогда Девора, услышав мои возражения. — Ты за кого меня держишь? Я вырастила двух драконов! Двух! За одним ты замужем! Думаешь, я не сумею позаботиться о внуке?»

«Сейчас он под наблюдением доктора. Мальчику запрещено иметь дело с сильной магией. Успеет ли доктор к вам в поместье, если с ребёнком что-то случится? Оно находится достаточно далеко за городом!» — попыталась мягко объяснить свой отказ я.

«Он будет на свежем воздухе! У меня, в отличие от вас, под окнами кареты не ездят! Свежий воздух, природа, подальше от вашей пропахшей дымом и магией столицы! К тому же вы сильно трясетесь над ним! Чем больше трясешься над ребёнком, тем хуже для него! Особенно, если дело касается мальчиков! Вырастите неженку! А он должен быть мужчиной!» — парировала свекровь, всем своим видом показывая, что считает мои опасения глупостью.

«Дорогая, я думаю, ничего страшного не случится, если Илеан какое-то время проведёт с бабушкой в родовом поместье», — послышался тогда голос мужа.

Я обожала его. Мне казалось, что такого мужчину невозможно любить вполсилы.

Деваир был высоким, широкоплечим, с густыми тёмными волосами, спускавшимися ниже воротника камзола. Я любила его сильные руки, красивый рот и привычку смотреть на меня во время семейных ужинов так, словно он уже решил, чем мы займёмся, когда останемся одни. Я обычно делала вид, что ничего не замечаю, хотя предательский румянец выдавал мои мысли. А муж едва заметно улыбался, и я начинала считать минуты до конца ужина.

И сейчас, когда Деваир подошёл ко мне, я невольно улыбнулась ему. Мне казалось, что когда он рядом, я не могу думать ни о чем другом, кроме него.

Как сейчас помню, его рука легла поверх моей руки. Ладонь Деваира была тёплой и тяжёлой. Тогда мне хотелось принять это прикосновение за поддержку.

Я пыталась возразить, но муж шепнул мне: «Ты же хотела помириться с моей матушкой? Мне кажется, это отличный повод. Я говорил тебе, что у неё просто тяжёлый характер из-за моего отца. Думаю, что дать ей возможность повозиться с внуком будет правильно».

Я стояла и понимала, что в чем-то муж прав. Однако я всё равно не хотела отпускать ребёнка одного! Я хотела возразить, но Деваир уже договаривался с матерью, когда она заберёт малыша.

Я помнила, как Илеан помахал мне рукой на прощание, а я невольно дёрнулась, словно чувствуя, что с ним случится беда.

Теперь же свекровь смотрела на меня с нескрываемой злостью, словно именно я была виновата в том, что её внук лежит без сознания.

— А! Я знаю… Я тебя раскусила! — усмехнулась Девора и ткнула в меня пальцем. — Ты хотела меня подставить в глазах собственного сына! Свалить всё на меня! Мол, это я довела ребёнка до такого состояния! Нет уж, милая. Со мной такое не пройдёт!

Я с трудом повернула голову в её сторону. До сих пор не могла понять, как можно думать о собственной репутации, когда ребёнок лежит в нескольких шагах от тебя и неизвестно, выживет ли вообще.

— Да с чего вы вообще решили такое?! — закричала я, чувствуя, как меня трясёт от её обвинений.

— Дорогая моя, ты забываешь, что находишься в моём доме. Нелли видела, как ты вливала сыну какое-то зелье. И прибежала ко мне, чтобы позвать на помощь! — произнесла Девора и наклонилась над кроватью.

Она говорила по-прежнему мне, словно Илеана здесь не было.

— Так что не надо врать мне, маленькая интриганка! Твоя интрига не удалась! Посмотрим, что на это скажет мой сын!

Глава 2

От одного слова «зелье» мне стало страшнее, чем от её обвинений. Если Илеану действительно дали что-то магическое, необходимо было немедленно выяснить, что именно. Доктор строго запрещал подобные воздействия, потому что мальчик родился слабеньким и даже обычную магическую нагрузку переносил с трудом.

— Вы слышите себя? — звенящим от возмущения голосом произнесла я, глядя на свекровь.

Я сжала пальцы Илеана, тщетно пытаясь добиться хоть какого-то отклика, и продолжила:

— Нелли привела меня к сыну, я открыла дверь, вошла и увидела его таким. Я ничего ему не давала. Если кто-то здесь знает, что произошло, пусть скажет врачу, а не тратит время на эти обвинения! Главное — спасти ребёнка!

Я потянулась к Илеану, собираясь взять его на руки, но Девора схватила меня за запястье. Тяжёлое фамильное кольцо больно царапнуло кожу. Я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть. До Илеана оставалось меньше шага, но свекровь держала меня так крепко, будто я собиралась причинить ему вред.

Пока я пыталась высвободить руку, свекровь заслонила мальчика собой и с силой оттолкнула меня от кровати.

Запястье саднило; стоило пошевелить кистью, как боль от царапины простреливала до локтя.

— Главное — спасти ребёнка! — передразнила она и, услышав шаги в коридоре, закричала ещё громче: — А чем ты думала, когда вливала ему зелье? Чем? Головой своей тупой? Быстро отошла от кровати! Хватит! Поиграла в заботливую мамочку!

Я обошла кровать с другой стороны, стараясь добраться до сына, но в этот момент в комнату вошёл Деваир.

Его взгляд сразу нашёл меня. Ещё вчера одного такого взгляда хватило бы, чтобы я улыбнулась мужу и сама шагнула навстречу. Даже спустя пять лет брака он по-прежнему действовал на меня невероятным образом.

Но сейчас мне хотелось только одного: чтобы он обнял меня, сказал, что верит мне, и помог нашему мальчику.

Мне вдруг вспомнился прошлый Новый год. Деваир поднимал Илеана на руки, чтобы тот повесил на верхнюю ветку маленького дракона, а сын смеялся и требовал поднять его ещё выше. Тогда мне казалось, что рядом с этим мужчиной с нашим мальчиком никогда ничего не случится.

От неожиданного облегчения у меня ослабли колени. Муж замер на пороге, глядя на ребёнка, словно не веря тому, что видит, а потом стремительно пересёк комнату, подошёл к Илеану, наклонился над ним и коснулся его щеки.

«Теперь всё будет хорошо!» — шептала я себе. — «Теперь точно все будет хорошо…»

— Сынок… — прохрипел Деваир, осторожно проводя пальцами по чёрной чешуе.

Когда Илеан не ответил на его зов, Деваир взял маленькую ладонь и подержал в своей.

Я смотрела на них обоих, ожидая, что муж сейчас распорядится поторопить лекаря. Но потом вспомнила, что от столицы до поместья лиг сорок — пятьдесят, и мне стало дурно.

Я с трудом вдохнула: тугой ворот платья упирался в горло, а воздух в детской казался густым и душным.

— Что здесь произошло? — резко спросил Деваир, выпрямляясь.

Он посмотрел сначала на меня, потом на мать, а рядом с дверью уже стояла вернувшаяся Нелли. Нелли была невысокой девушкой с мягкими чертами лица и светлыми волосами,

аккуратно уложенными и заколотыми скромной жемчужной шпилькой. Она происходила из небогатого дворянского рода и рано осталась сиротой.

Девора взяла её в дом ещё девочкой, воспитывала вместе со своими детьми, а затем оставила при себе компаньонкой. Деваир привык относиться к Нелли как к младшей сестре, и теперь девушка смотрела на него своими большими испуганными глазами так, словно именно от него ждала защиты.

— Кто-нибудь может сказать мне, почему мой сын в таком состоянии?

Глава 3

Он ещё держал ладонь Илеана в своих пальцах. Я почти потянулась к мужу, надеясь, что он даст мне сесть рядом, но Девора оказалась возле него раньше.

— Твоя супруга… она… она… Ах, я не могу! — всхлипнула свекровь и прижала платок ко рту. — Капли! Принесите мои капли! Ты только посмотри на бедного мальчика!

Она подалась к внуку, оттеснив меня плечом, и закричала в коридор:

— Где лекарь? Скорее! Ребёнок может умереть в любую минуту!

— Лекарь уже в пути, мадам! Мы связались с ним магией. Он выехал! — ответил голос из коридора.

Выехал… Выехал… Значит, нужно просто немного подождать! Я пыталась успокоить себя этим. Но внутри всё тряслось от ужаса: «А вдруг лекарь не успеет!»

При слове «умереть» я почувствовала, как сжалось горло. Я отчаянно хотела услышать, что с моим сыном всё будет хорошо, но даже Деваир, казалось, не понимал, что происходит.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РЕБЁНКОМ?! МНЕ КТО-НИБУДЬ ЧТО-НИБУДЬ СКАЖЕТ?! — рявкнул муж таким страшным голосом, что я вздрогнула.

Нелли, стоявшая возле двери, тут же прижала руки к груди и сделала шаг вперёд.

— Деваир, — взмолилась Нелли, обнимая себя за плечи. — Пока вы разговаривали с управляющим по поводу ремонта крыши, я проводила твою жену к малышу. Он как раз спал. Она вошла, но дверь была прикрыта неплотно. И я… увидела, как твоя жена достала какой-то флакончик. И дала выпить ребёнку. Он был сонным… И выпил…

— Ложь! Он даже не открыл глаза! Когда я зашла, ребёнок уже был в таком состоянии! — закричала я.

— Помолчи, пожалуйста. — Деваир поднял руку, давая мне знак умолкнуть. Я стиснула зубы. — Я хочу послушать её.

Нелли тяжело дышала, словно ей было невыносимо рассказывать об увиденном. Она обхватила себя руками ещё крепче и продолжила:

— А потом мальчику стало плохо. Госпожа Девора не раз предупреждала меня, что никаких зелий и магии ребёнку давать нельзя, поэтому я побежала к ней. И когда мы вошли…

Нелли всхлипнула, закрывая рот ладонью. Мне никак не удавалось понять, как Нелли может так уверенно лгать человеку, который знал её с детства и всегда за неё заступался. Она ведь прекрасно понимала, что Деваир привык ей доверять.

— Он уже был таким! — закончила Нелли дрожащим голосом и спрятала лицо в руках, словно не в силах сдержать рыдания.

Она ещё сильнее сжала складки юбки, изображая страх, а затем опустила голову.

Я слышала каждое слово этой выдумки и не могла поверить, с какой лёгкостью воспитанница Деворы рассказывала о том, чего никогда не происходило.

Она ведь сама привела меня в детскую. Видела, что я ничего не держала в руках. И всё равно теперь утверждала, что наблюдала, как я травлю собственного сына.

«Они хотят меня подставить!» — пронеслось в голове.

Моя ошибка заключалась в том, что я не стала ждать мужа и вошла в комнату одна. И теперь никто, кроме меня, не мог подтвердить, что Илеан уже лежал без сознания.

Глава 4

Я ещё тогда удивилась, что к нам сразу же, как только мы вышли из кареты, подлетел управляющий и стал жаловаться на сырость в доме и обсуждать ремонт крыши. В холле и правда тянуло сырой штукатуркой. Но я тогда даже не задержалась, чтобы выяснить, откуда идёт этот запах.

Здесь и правда недавно был сильный ураган, я читала о нём в газетах, и часть черепицы послетала.

Я ещё тогда подумала с раздражением: «Неужели мы не можем поговорить об этом позже?! Мы вообще-то приехали к ребёнку! Какое дело нам до вашего ремонта!»

И тогда я сама распорядилась, чтобы меня проводили к сыну.

Да! Вот тогда я должна была почувствовать неладное.

Я посмотрела сначала на свекровь, потом на Нелли, которая изо всех сил изображала ужас от увиденного.

— Я ничего ему не давала, Деваир, — как можно спокойнее произнесла я, показывая на неподвижного сына. — Ты знаешь, что ему запретили магию. Я бы никогда не нарушила запрет.

— А вот неправда! Я всё видела! — возмутилась Нелли, отнимая руки от лица. Она смотрела прямо на меня, уже не скрывая уверенности в своих словах. — Не надо врать, госпожа! Вы дали ему зелье, а флакон бросили под кровать!

Мой муж посмотрел на меня, а я замерла, не понимая, как он вообще может выслушивать подобные обвинения.

— Я ничего не бросала под кровать! — резко ответила я, повернувшись к Деваиру. — Ты считаешь меня сумасшедшей?! Зачем мне вредить нашему сыну?! Очнись, Деваир! Услышь меня!

Муж опустился на колени и провёл рукой под кроватью. Я услышала, как что-то тихо звякнуло. Он вытащил из-под кровати пустой флакон. Я смотрела на него и не понимала, откуда тот взялся. Минуту назад здесь не было никаких доказательств моей вины. А теперь Деваир держал в руках то, что вполне могло ими стать.

— А это что? — спросил он, поднимая склянку.

— Как что?! Ты понимаешь, что меня сейчас пытаются подставить? Я впервые вижу этот флакон! Впервые! — воскликнула я, глядя на блестящее стекло в его руках.

Деваир стал рассматривать флакон, медленно поворачивая его пальцами. Потом вынул пробку и понюхал содержимое, на секунду задумавшись.

Я следила за его лицом, стараясь понять, что он чувствует. Муж ещё раз посмотрел на склянку, а затем перевёл взгляд на Нелли. Он привык заботиться о ней с тех пор, как Девора приютила осиротевшую девочку, и всегда выслушивал её с особенным терпением.

— Я не знаю, что здесь происходит, но сомневаюсь, чтобы моя жена давала ребёнку зелье. Зачем ей это? — спросил Деваир, нахмурившись.

Я выдохнула, едва не плача от облегчения. Он не поверил! Не поверил её рассказу!

Глава 5

— О боги, кто бы мог подумать! — внезапно подала голос свекровь. Она посмотрела на меня, и на её глазах выступили слёзы. — Значит, ты решила меня подставить? В глазах собственного сына?

— Да вы сошли с ума! Зачем мне вас подставлять?! Тем более ценой здоровья ребёнка? — ужаснулась я, услышав её рассуждения.

Я вспомнила, как свекровь впервые склонилась над роскошной колыбелью. Все поздравления с рождением наследника уже отгремели, а Илеан спал в своей колыбели. В комнате пахло тёплым молоком, детским мылом и свежими пелёнками. У меня ныла поясница после родов, и я держалась за спинку кресла, когда свекровь подошла к ребёнку.

Я ждала умиления, ждала, что она расплывётся в улыбке, радуясь, что у нашей семьи появился маленький наследник.

Я помню, как она замерла, словно ей что-то не понравилось в увиденном. Она не коснулась ребёнка, не поправила одеяло, не взяла его на руки.

— Это точно дракон? — спросила она, глядя не на меня, а на моего сына. — Сынок, дорогой… Я бы на твоём месте проверила отцовство! Посмотри на него. Он слишком мелкий. Ты был намного крупнее, когда родился!

И в этот момент её взгляд скользнул по мне.

— Вы на что сейчас намекаете? — возмутилась я, всё ещё шатаясь от слабости после недавних родов.

— Я не намекаю, девочка. Я говорю прямо! — величественно произнесла свекровь, снова глядя на ребёнка так, будто это грязная тряпка. — Я не уверена в том, что это ребёнок моего сына. У нас в роду таких мелких доходяг не было!

— Как вы смеете называть моего сына «мелким доходягой»?! — вспылила я, мечтая указать ей на дверь.

— Элла, успокойся, пожалуйста, — вздохнул мой муж, терпеливо глядя на мать.

— Ты посмотри, как яростно она защищает себя. Мне кажется, сынок, это повод задуматься, — улыбнулась свекровь, глядя на внука так, словно он ей никто. — Речь идёт о будущем нашей семьи! А я должна успокоиться? Он — не дракон! По нему это видно! Я не знаю, от кого родила его твоя жена, но точно не от тебя! Он даже на тебя не похож!

Я не знала, как новорождённый может быть вообще на кого-то похож. Пока что я видела редкие тёмные волосы и сморщенное личико.

Когда она удалилась из нашего дома, будучи уверенной в том, что, пока мужа нет дома, я сплю со всеми слугами подряд, мой муж ещё долго успокаивал меня:

— Элла, прошу тебя. Не принимай близко к сердцу слова матушки. Она у меня такая. Ты должна быть немного мягче. Не надо вступать с ней в споры. Кивни, сделай вид, что не услышала. Разве это сложно? Не обязательно с ней пререкаться по каждому пустяку.

— Ты называешь это пустяком? — ужаснулась я. — Меня обвинили в измене! В измене! И раз ты не спорил, значит ты тоже сомневаешься в моей верности?!

Глава 6

Мне ужасно хотелось что-то сломать от накатившей бессильной ярости. Но я не стала ничего ломать, чтобы не будить кроху.

— Элла, прошу тебя. Успокойся. Мама она такая. — Муж гладил меня по спине. — Насчёт твоей верности…

Он посмотрел на малыша.

— Я… я не сомневаюсь, — произнёс он, но в его голосе я не услышала твёрдости.

И тогда мне казалось, что это просто старая вредная герцогиня, которую нужно принимать как горькое лекарство. Терпеливо и понемногу. Я тогда ещё подумала, что, быть может, однажды я тоже стану такой. И даже поставила себя на её место. На этом скандал был замят.

Я очнулась от воспоминаний.

— Ну что? Теперь ещё есть вопросы, от кого этот ребёнок? — спросила я, глядя на свекровь и показывая на чешую.

— Мы сейчас говорим не о сомнениях! Речь идёт о жизни ребёнка! Что ты за мать такая, если для тебя важнее не здоровье ребёнка, а какие-то там доказательства! Я думала, что наши разногласия уже позади. Я думала, что мы всё решили… А ты решила вот так вот подставить меня перед моим сыном… О боги! Получается, что если бы не Нелли, то мой сын был бы уверен, что я навредила собственному внуку! — воскликнула свекровь.

Девора прижала платок к лицу, а Нелли поспешила к ней и заботливо поддержала под локоть.

— Госпожа Девора, — тут же выдохнула Нелли, поглаживая Девору по руке. — Не надо так переживать… У вас слабое здоровье… Я прошу вас поберечь его.

Мне хотелось схватить Нелли за плечи и заставить повторить свою ложь, глядя прямо мне в глаза. Вместо этого я крепче сжала край покрывала, пытаясь совладать с дрожью в руках. Под пальцами сбилась жёсткая вышивка на покрывале. Я тёрла её снова и снова, пока кожа не начала гореть.

Они тут все сговорились!

— Хорошо! Если ты видела, что я даю ребёнку запрещённое зелье, почему не остановила меня? — перебила я Нелли, глядя прямо на неё. — Почему не выхватила флакон, не позвала на помощь сразу? Ты говоришь, будто видела всё своими глазами, а сама стояла и ждала, пока Илеану станет плохо?

— Я испугалась, госпожа! — всхлипнула Нелли, прижимая руки к груди. — Разве я могла броситься на герцогиню и силой вырывать у неё флакон? Кто поверил бы мне, если бы я ошиблась? Я побежала к госпоже Деворе, чтобы позвать на помощь!

Нелли попятилась и чуть не наткнулась на Девору. Та тут же обняла воспитанницу за плечи и посмотрела на Деваира с оскорблённым выражением.

— Вот до чего дошло! — возмутилась свекровь, прижимая Нелли к себе. — Девочка нашла смелость рассказать правду, а твоя жена теперь пытается выставить виноватой её! Нелли, не бойся. Ты молодец. Ты сказала правду. Ты спасла мою честь в глазах сына!

Чешуя на лице Илеана казалась особенно чёрной рядом со светлой подушкой. Я не понимала, почему все заняты флаконом и честью Деворы, когда ребёнок мог умереть.

— Деваир, она лжёт, — сказала я, шагнув к мужу и ухватившись за его рукав. — Где доктор? Где лекарь?! Ребёнку нужна помощь!

Глава 7

Боги, я так и знала! Знала, что так будет! Поместье находится слишком далеко от столицы. Пока сообщат доктору, пока он приедет… Мне хотелось кричать в голос.

За окнами поместья густел снег. Дорога к столице и в ясную погоду была долгой, а теперь я представляла, как лекарская карета вязнет в сугробах, пока мой сын лежит неподвижно. Каждая снежинка казалась мне украденной у Илеана минутой.

Муж поднял на меня глаза. Несколько мгновений он молчал, словно действительно обдумывал услышанное, затем перевёл взгляд на Нелли и мать. Я видела, как Нелли опустила голову ещё ниже, а Девора сжала её плечо, готовая защищать от любого моего слова.

— И если бы ребёнок был дома, то доктор уже осматривал бы его! — возмутилась я, глядя на мужа. — А сейчас неизвестно, сколько его ждать! А вдруг Илеану с каждой секундой становится всё хуже?! Вдруг он…

Я осеклась, сама испугавшись этой мысли.

— Вдруг он не доживёт до приезда доктора? — прошептала я, боясь, что мои слова вдруг окажутся пророческими.

— Ишь, как забегала! — вздохнула свекровь, оглядывая меня с нескрываемым презрением. — Засуетилась, задёргалась. Делает вид, что она заботливая мать.

Деваир повернулся ко мне. Его пальцы стиснули пустой флакон, и я испугалась, что стекло сейчас треснет у него в руке.

— Что было в этом флаконе?! — резко спросил муж, глядя на меня.

— Да я откуда знаю?! Я впервые его вижу! — закричала я, не выдержав его взгляда. — У них спрашивай! Не у меня! У твоей матушки и её верной воспитанницы, которая скажет то, что ей прикажут!

Нелли судорожно втянула воздух и прижала руки к груди, словно я только что её ударила.

— Нелли для меня почти дочь, — вмешалась Девора, прижав платок к щекам. — Я взяла её на воспитание после смерти родителей, а не нанимала в прислугу. Она прекрасно понимает, чем рискует, обвиняя герцогиню. И я бы отдала всё, что имею, лишь бы твой сын был здоров. С такими вещами, дорогая, не шутят! Для тебя ребёнок — это способ удержать моего сына. Для меня — это будущее семьи!

Деваир резко повернулся к матери. Я увидела, как изменилось выражение его лица, и затаила дыхание, надеясь, что он наконец начнёт задавать вопросы не мне.

— Что было в этом флаконе?! — спросил он, обращаясь к Деворе.

Свекровь замерла. Потом медленно отняла платок от лица и посмотрела на него с таким оскорблённым видом, словно не могла поверить, что родной сын посмел заподозрить её.

— Ты… сейчас у меня спрашиваешь? У жены своей любименькой спроси! — произнесла Девора, и её голос задрожал от возмущения. — Или ты не веришь собственной матери?

Она побледнела так, словно сын только что ударил её.

— Мама, прекрати. Сейчас важна жизнь ребёнка. Я просто спросил. Знаешь ли ты, что было в этом флаконе? — выдохнул муж.

Глаза свекрови расширились так, что стали похожи на блюдца.

— Ты думаешь, что твоя мать, которая вырастила тебя, к которой ты жался, когда отец приходил пьяный и злой после очередной любовницы, станет тебе лгать?! Мать, которая не позволила ему убить вас с братом, чтобы дети от любовницы не стали законными наследниками?! Ну, сын! Пока твой непутёвый братец пошёл по стопам твоего папеньки, я рассчитывала на наследника! На этого мальчика! Зачем мне причинять ему зло?

Она перевела дух и продолжила.

— Я брала его под свою ответственность! А твоя жена решила меня подставить! Но у неё не получилось! Благодаря Нелли. И теперь она не знает, что делать! Строит из себя заботливую мамочку. Вот с неё и спрос!

Глава 8

Деваир перестал вертеть флакон в руках. При упоминании отца он напрягся, так сильно стиснув стекло, что побелели костяшки пальцев. Ещё недавно муж сомневался в словах Нелли, а теперь не сводил глаз с матери. Мне стало страшно, что он уже не услышит моих объяснений.

Её голос дрогнул на последних словах. Девора отвернулась от сына и склонилась над Илеаном, осторожно поглаживая одеяло возле его руки.

— Боги, как же он теперь будет жить, если вообще выживет? — добавила свекровь уже тише. — У него и так слабенькое здоровье… Подумать только. Дракон со слабым здоровьем…

Я хотела ответить, но увидела, как Девора уселась на край кровати, заняв место, с которого меня только что согнала.

Нелли осталась возле неё. Обе могли находиться рядом с мальчиком, а я вынуждена была стоять по другую сторону от Деваира. Я попыталась обойти мужа, чтобы коснуться Илеана, однако он шагнул навстречу и крепко взял меня за локоть. Пальцы мужа больно вдавились в сгиб локтя сквозь ткань платья, и рука начала неметь.

— Что ты ему дала, Элла? — спросил муж так тихо, что я сразу перестала вырываться. Он смотрел мне прямо в глаза и не ослаблял хватки. — Если хотела помочь, но ошиблась с зельем, сейчас не время скрывать это. Лекарь должен знать, что было во флаконе. Скажи мне правду хотя бы ради сына.

Муж говорил так, будто я уже призналась, что поила Илеана неизвестным средством. Он не назвал меня убийцей, как его мать, но, кажется, уже не допускал, что Нелли и его мать лгут.

Я посмотрела на пальцы Деваира, сжимавшие мой локоть. Он мог бы отпустить меня к ребёнку одним движением. Вместо этого продолжал удерживать, пока свекровь беспрепятственно сидела возле мальчика.

— Ты требуешь от меня признания, а не правды, — сказала я, с трудом удерживая голос от крика. — Я ничего не давала Илеану. Ты же знаешь, как я боялась за него! Неужели ты думаешь, что я стала бы рисковать его жизнью? Зачем? Скажи, ради чего мать захотела бы отравить собственного ребёнка?

Деваир отпустил мой локоть, но сразу же загородил проход к кровати.

Я попыталась заглянуть ему через плечо, чтобы увидеть лицо Илеана, однако муж не сдвинулся с места. Он слышал мой вопрос и, судя по выражению лица, понимал, что я жду ответа. Но вместо этого поднял пустой флакон, снова показывая мне стекло.

— Правду! Мне нужна правда! — зарычал он, сжимая склянку в кулаке. — Даже если ты ошиблась, скажи правду! Скажи как есть: «Да, я хотела как лучше! Да, так получилось!»

Мне стало трудно дышать. Я видела перед собой мужчину, с которым прожила столько времени, который знал о моей любви к сыну, о каждом страхе за его здоровье. И теперь этот мужчина требовал, чтобы я призналась в преступлении, которого не совершала!

— С чего ты решил, что я вообще что-то давала ребёнку?! — возмутилась я, пытаясь поймать его взгляд.

Деваир сделал шаг ко мне, и я невольно попятилась. Его лицо было мрачным, а голос прозвучал так холодно, что мне захотелось схватить его за плечи и заставить наконец услышать меня.

— С того, что прожил в этом доме двадцать лет! Двадцать! И моя мать ни разу мне не соврала! — отрезал он, глядя прямо на меня. — А ты уже один раз солгала мне. И ты это прекрасно помнишь!

Глава 9

Я замерла, не веря собственным ушам. Муж видел, что я пытаюсь добраться до Илеана, но вместо того, чтобы пропустить, шагнул ещё ближе, окончательно отрезая мне путь к кровати.

— И знаешь что, Элла? — продолжил Деваир, указав рукой на дальний угол комнаты. — Не хочешь признаваться, значит, отойди от ребёнка. Подальше. Вон в тот угол. И думай над тем, как ты будешь оправдывать свой поступок.

Поступок? У меня дрожали колени, и я перенесла вес на одну ногу, потом на другую, боясь потерять равновесие. Ногти впились в ладони, но даже боль не помогала унять дрожь.

— В тот угол, Элла, — повторил Деваир, указав на место возле окна. — Я не позволю тебе снова приближаться к Илеану, пока не выясню, что ты с ним сделала.

Я посмотрела туда, куда он указывал.

От кровати до окна было всего несколько шагов, но меня словно заставляли оставить сына одного в чужом доме.

Девора по-прежнему сидела возле него, Нелли стояла у двери и украдкой вытирала глаза, а мне, родной матери, приказали отойти и молчать. На щеке ещё горел след от пощёчины. Я прикоснулась к ней, вспомнила, как свекровь ударила меня при ребёнке, и опустила руку.

— Я не отойду от Илеана, — произнесла я, стараясь говорить так, чтобы муж услышал каждое слово. — Ты можешь подозревать меня в чём угодно, но не заставляй стоять в углу, пока наш сын…

Закончить я не смогла. Илеан лежал с открытыми глазами, и стоило мне снова посмотреть на него, как всё остальное перестало иметь значение.

Я всматривалась в его грудь под одеялом, пытаясь уловить движение. Мне уже казалось, что я придумала себе его дыхание только потому, что не могла допустить другого.

В коридоре раздались быстрые шаги.

Девора поднялась с кровати и поспешила к двери, едва не столкнувшись с незнакомым мужчиной в дорожной одежде. Он держал небольшой врачебный саквояж, очки сползли на кончик носа.

На плечах незнакомого лекаря ещё таяли снежинки. Я увидела мокрые пятна на воротнике его плаща и подумала, сколько времени он добирался по зимней дороге. Хотелось просить его поторопиться ещё до того, как он раскрыл саквояж.

С ним в душную детскую ворвался прохладный воздух из коридора. Я почувствовала его на вспотевшей шее и невольно отступила, пропуская лекаря к кровати.

Я не знала этого лекаря и впервые в жизни была готова обрадоваться человеку, чьего имени даже не слышала.

— Доктор! — вырвалось у меня, когда он прошёл мимо свекрови. — Пожалуйста, посмотрите моего сына. Он не просыпается, не моргает, вся кожа покрылась чешуёй. Я не знаю, сколько времени он лежит так!

Глава 10

Лекарь поставил саквояж на край стола и попросил освободить место у кровати. Девора отступила сразу.

Деваир отошёл на шаг и пропустил мужчину, но остался рядом с ним. Я тоже подалась вперёд, однако муж перехватил меня за предплечье.

Пришлось остановиться, хотя оттуда, где я стояла, были видны только лицо Илеана и руки доктора, склонившегося над мальчиком.

Врач не стал расспрашивать нас. Он осторожно коснулся шеи ребёнка, потом запястья, долго наблюдал за его лицом и поднёс ладонь к губам.

Я не выдержала молчания, когда он снова взял Илеана за руку. Время, которое он тратил на осмотр, тянулось невыносимо долго.

Мне хотелось, чтобы он немедленно сказал, что видит, и одновременно я боялась услышать ответ.

— Он… он умирает? — спросила я, не узнав собственного голоса.

— Рот закрой! Стой молча! — одёрнул меня муж тихим шёпотом.

Но я не собиралась молчать, когда речь шла о жизни моего ребёнка!

Лекарь поднял на меня глаза поверх очков и отрицательно покачал головой. Он словно не услышал голос моего мужа. Или просто сделал вид.

— Нет, госпожа. Мальчик жив, — ответил он и снова проверил его пульс, словно хотел убедиться в сказанном ещё раз. — Сердце бьётся, он дышит. Но сознания нет, а тело почти не отвечает на прикосновения. Я пока не могу сказать, как назвать это состояние. Сколько времени это уже происходит?

Я ухватилась за спинку кровати, не почувствовав, как оказалась рядом.

— Примерно час! — вместо меня ответила свекровь. — Может, полтора часа. О, доктор, мы так испугались! Сделайте же что-нибудь! Спасите ребёнка!

Жив. Илеан жив. Пока этих слов было достаточно. Он не умирает. Пока.

Мне хотелось наклониться и поцеловать его в покрытый чешуёй лоб, но Деваир, услышав движение, положил руку на край кровати между мной и сыном. Он даже не посмотрел на меня.

Я остановилась, всё ещё пытаясь осмыслить слова лекаря: мальчик дышал сам, сердце билось, а значит, оставалась надежда, что однажды он снова позовёт меня.

— Из-за чего это случилось? — спросила я, обращаясь к доктору. — С ним ведь всё было хорошо. Что могло сделать с ним такое?

— Тебе что сказали? Стоять молча! — прошипел Деваир. — Кто разрешил тебе вмешиваться в разговор?! Спросят, тогда и отвечай!

Я опешила от такого обращения. Никогда ещё мой муж не разговаривал со мной таким тоном! И уж тем более не затыкал мне рот.

Глава 11

Лекарь не сразу ответил. Он ещё раз осмотрел чешую на руке Илеана, словно сверял с ней свои подозрения, и осторожно отогнул край одеяла.

— Из-за сильной магии, — произнёс лекарь после короткой паузы. Он осмотрел чешую на маленьком плече и нахмурился. — Ну и из-за того, что… Скажите, госпожа, в вашем роду были сильные маги?

Я замерла. Ещё недавно Девора кричала, что у них не бывает настолько слабых драконов, и теперь незнакомый врач спрашивал именно о моей семье.

Сразу стало ясно, куда повернут разговор, если я отвечу. Но солгать о своих родных я не могла, да и не хотела: Илеану нужна была помощь, а не ещё одна семейная ссора.

— Нет, не было, — ответила я, чувствуя на себе взгляд свекрови. — Но какое это имеет значение? Ему стало плохо сейчас, а до этого он играл и разговаривал. Неужели моя семья виновата и в том, что с ним произошло сегодня?

Доктор поправил очки. Кажется, моё возмущение его смутило, но он всё же объяснил, внимательно поглядывая на мальчика:

— Такое бывает, когда сильная магическая кровь в браке соединяется со слабой. Ребёнок может родиться более восприимчивым к сильной магии, чем другие дети его рода. Обычно эта слабость проходит в детстве. Вам бы поберечь его. Но если воздействие оказалось слишком сильным… Я вижу последствия, госпожа, а не могу восстановить по ним всё, что произошло в этой комнате.

Девора ухватилась за слова лекаря с такой поспешностью, словно только их и ждала.

— Вот видишь! — торжествующе произнесла она, обращаясь к Деваиру. — Я всегда говорила, что мальчик уродился таким из-за крови де Алири. Ни один Сильверстайн прежде не был настолько слаб!

Она произнесла название моего рода с таким презрением, что мне захотелось ответить, но доктор всё ещё держал руку Илеана.

Я смотрела на его пальцы, прижатые к запястью сына, и понимала: если начну спорить со свекровью, опять упущу возможность узнать, что можно сделать.

— Можно ли помочь ему? — спросил Деваир, придвинувшись к врачу. Его голос изменился, в нём не осталось ничего от недавних приказов мне отойти в угол. — Я заплачу любые деньги. Найдите способ. Если требуется что-то редкое, привезут. Только скажите, что ему нужно.

На мгновение мне показалось, что мы снова стоим по одну сторону от беды.

Я даже хотела добавить, что мы сделаем всё, что потребуется. Но муж не взглянул на меня.

Все его вопросы были обращены к чужому человеку, а между нами оставалась протянутая поперёк кровати рука, которой он не разрешал мне коснуться сына.

Лекарь открыл саквояж и достал несколько небольших флаконов. От резкого запаха настоек я невольно отшатнулась: ещё недавно меня обвиняли в том, что я принесла сюда зелье, а теперь все смотрели, как незнакомый человек готовит лекарства для моего ребёнка.

Но я не стала мешать.

— Нужно попробовать магические нейтрализаторы, хотя… — Доктор потёр переносицу, словно что-то пытаясь вспомнить. — Я не уверен, что они помогут. Ну что ж… Будем надеяться…

— Ему нельзя магию! — дернулась я.

— Мадам, это не магия. Это наоборот. Нейтрализатор магии. Полностью противоположный эффект. Он вытаскивает вредоносную магию из организма, — пояснил доктор.

Я немного успокоилась.

Он осторожно дал Илеану несколько капель первой настойки. Затем проверил его дыхание, дождался реакции и взял другую.

Я следила за каждым движением его рук, за неподвижными ресницами сына, за тем, как врач всё дольше задерживался возле его запястья. Я так долго стояла неподвижно, что пальцы ног затекли в туфлях, но боялась даже переменить позу и отвлечь доктора.

После третьей попытки доктор вытер пальцы платком и закрыл флакон. Затем снова проверил дыхание Илеана, убрал настойки в саквояж и потянулся к застёжке, хотя ребёнок так и не пошевелился.

— Доктор, почему вы убираете лекарства? — спросила я, не сводя глаз с его рук. — Вы ведь ещё не всё попробовали?

Глава 12

Деваир обжёг меня взглядом, напоминая о том, что сейчас я должна стоять молча. Злость на мужа и его семью сражалась внутри с желанием помочь сыну.

— К сожалению, нет, — произнёс лекарь, обращаясь к Деваиру. — Я не в силах помочь вашему сыну. Эти настойки должны были хотя бы ослабить воздействие, но он никак на них не отозвался. Никакой реакции. Я дал ему самые сильные. Если уж они не помогли, то слабые и подавно не помогут. Так что я вряд ли смогу помочь вам.

Я почувствовала, как Деваир, стоявший рядом, подался вперёд. Я хотела заговорить прежде, чем лекарь успеет закрыть свой саквояж. В груди будто не осталось воздуха; прежде чем задать вопрос, мне пришлось сделать короткий, судорожный вдох.

— А кто может помочь? — спросили мы с мужем хором.

Я повернулась к Деваиру. Впервые с тех пор, как он вошёл в детскую, мы сказали одно и то же, не сговариваясь.

Он тоже посмотрел на меня — на мгновение, слишком короткое, чтобы я успела что-нибудь прочесть на его лице. Потом снова обратился к лекарю, будто даже это случайное единодушие было сейчас неуместным.

— Я, честно говоря, даже не знаю такого мага, — признался доктор, поправляя очки. — Мальчик жив, но… Это очень странное состояние. Я не встречал ничего подобного. Боюсь обещать, что он придёт в себя, и не стану говорить, будто знаю, как его пробудить.

Доктор говорил спокойно. Даже слишком спокойно для человека, который только что признался, что не знает, чем болен мой сын. Я ждала хотя бы названия болезни. Чего-нибудь, что можно запомнить, записать, повторить следующему лекарю. Но он не дал нам даже этого.

Я смотрела на Илеана и вспоминала, как перед отъездом предупреждала Деваира, что в загородном поместье сын окажется далеко от привычного врача.

Теперь этот незнакомец стоял перед нами с закрытым саквояжем и ничем не мог помочь.

— Она дала ему зелье, — вмешалась Девора, глядя на меня в упор. — Нелли видела. Мы и флакон нашли. Вы сами сказали, что причина — сильная магия. Значит, всё сходится.

Когда Девора объявила лекарю свою версию, я едва не задохнулась от возмущения.

— Нет! — возразила я, повернувшись к врачу так резко, что край платья зацепился за ножку кровати. Я высвободила ткань, не отводя от него взгляда. — Вы сказали, что обнаружили последствия магии. Но вы ведь не знаете, кто и когда её применил? И не факт, что это было зелье! Прошу вас, доктор, объясните ему разницу!

Лекарь посмотрел сначала на меня, потом на герцога. Он явно не ожидал, что от его заключения будут требовать определить виновного, и мне пришлось дождаться, пока он подберёт слова.

— Я могу подтвердить сильное магическое воздействие, ваша светлость, — ответил он Деваиру. — Но я не видел, как это произошло. По состоянию мальчика нельзя установить, чья именно магия на него подействовала и кто находился при этом рядом. Я даже не могу сказать, зелье это было или какая-то другая магия.

Лекарь попросил показать ему флакон, найденный под кроватью. Деваир протянул склянку, и доктор внимательно осмотрел остатки на её стенках, открыл пробку и осторожно принюхался.

— Это сильное укрепляющее зелье, — произнёс он, возвращая флакон мужу. — Для ребёнка с такой чувствительностью к магии оно опасно. Однако я не могу утверждать, что Илеан его принимал.

Глава 13

Я невольно шагнула навстречу мужу, потому что врач только что подтвердил самое важное: причину состояния мальчика нельзя путать с обвинением против меня.

— Вот именно! — воскликнула я, надеясь, что Деваир хотя бы теперь услышит меня. — Спроси, кто был с Илеаном до нашего приезда. Кто ухаживал за ним, кто заходил в эту комнату. Я открыла дверь и нашла сына уже таким. Деваир, ты сам настоял, чтобы он остался здесь, хотя я боялась отпускать его без доктора в такую даль.

— Помолчи, пожалуйста! — раздражённо произнес муж. — Сейчас не до тебя!

Девора громко вздохнула, а Нелли, всё это время не отходившая от двери, опустила глаза. Свекровь не позволила мужу ответить мне: она придвинулась к нему, словно только он один имел право решать, кому верить.

— Слышишь, как она выворачивает всё наизнанку? — негромко возмутилась Девора, указывая на меня платком. — Уже и ты виноват, что разрешил сыну побыть с бабушкой! А у меня он был под присмотром. Матушка лично занималась им. Не доверила сиделкам и няням. Нелли говорит, что до вашего приезда мальчик спал спокойно. И только после появления Эллы случилась беда. Неужели ты позволишь ей обвинить нас ещё и при докторе? Думаю, что семейный скандал — это не то, что предназначено для посторонних ушей.

Она посмотрела на доктора с улыбкой.

— Благодарю вас. Я оплачу визит. Сейчас управляющий с вами рассчитается, — кивнула свекровь. И тут же замялась, словно не решаясь сказать вслух что-то важное. — И да… Маленькая просьба… За вознаграждение, разумеется…

Доктор заинтересовался, повернувшись к свекрови, которая продолжала улыбаться вежливой и извиняющейся улыбкой.

— Я очень надеюсь, что это не выйдет за пределы этих стен. Думаю, мы договорились?

— О, мадам, я не из тех, кто разносит сплетни! — произнёс доктор, кивнув.

Девора вышла в коридор и громко крикнула:

— Чарльз! Заплати доктору за визит и столько же за молчание.

Она кому-то улыбнулась, а доктор поспешил к двери.

И снова дверь закрылась. В детской остался резкий запах лекарственных настоек. От него подступала тошнота, и я на мгновение прикрыла рот ладонью. Я стояла в комнате, чувствуя, как все смотрят на меня так, словно собрались на суд.

Я ждала, что Деваир вспомнит, как сам, стоя рядом со мной, спросил у Нелли, зачем мне было давать зелье собственному ребёнку.

Когда муж наконец повернулся ко мне, в его лице уже не было прежнего сомнения. Он выглядел изможденным и злым, и хуже всего было то, что эту злость он собирался обратить не на тех, кто оставался с нашим сыном всю неделю.

— Ты знала, что ему запрещена сильная магия, Элла! — произнёс Деваир, подходя ко мне. Он говорил тихо, но так отчётливо. — Ты лучше всех знала, что любое зелье может ему навредить. А теперь хочешь переложить ответственность на мою мать. На меня. На кого угодно, лишь бы не отвечать самой! Не так ли?!

— Ты это сам придумал! — огрызнулась я, видя, как за его плечом свекровь улыбается довольной улыбкой. — И пытаешься меня в этом обвинить! Меня подставили! Причём, я подозреваю, сделали это нарочно!

Глава 14

— Держи свои подозрения при себе! — резко ответил муж. — Тебе ясно сказали, что ты должна делать! Почему ты усугубляешь ситуацию?! Мама права. Доктор что? Приехал слушать семейные сцены или спасать ребёнка?! Кто позволил тебе вмешиваться?

— Я не собираюсь молчать, когда речь идёт о моём сыне. И тебе не удастся закрыть мне рот! — закричала я, глядя на него, чувствуя, как всё тело начинает дрожать. Дрожь слабости пронзала меня от макушки до пяток. Но я старалась выдержать гневный взгляд Деваира.

— Хватит! — произнёс муж таким голосом, каким судья выносит приговор.

— Я не собираюсь признаваться в том, чего не делала! — уже тише ответила я, понимая, что не выдерживаю его взгляда.

Сердце в груди колотилось так быстро, что меня начало трясти. И сейчас я презирала себя за эту слабость.

— Я не собираюсь брать на себя чужую вину! Я не хотела отпускать ребёнка сюда. Ты настоял на этом. Я сразу сказала, что лекарь далеко. Но ты сказал: «Ну это же мама! Она меня вырастила! Что плохого может случиться?!»

— Не смей так говорить о моей матери, словно это она во всём виновата! — зарычал Деваир. — Выбирай слова, когда говоришь о ней. Или тебя просто выведут из комнаты, чтобы ты не мешала!

— Верь кому хочешь и во что хочешь! Я знаю правду, — крикнула я. — Посмотри на меня. Ты действительно считаешь, что я могла причинить Илеану такую боль? Что я смотрела, как ему становится плохо, и ничего не сделала? Ведь ты знаешь меня, Деваир. Неужели слова Нелли, которую ты с детства считаешь своей младшей сестрой, теперь для тебя важнее всего, что было между нами?

Он выдержал мой взгляд. Девора стояла у кровати и следила за нами; Нелли не шевелилась у двери. Мне стало мучительно стыдно, что наш разговор о собственном ребёнке происходит при них, что я вынуждена умолять мужа верить мне на глазах женщины, которая только что меня ударила.

— Хватит! — послышался голос свекрови.

— Не вмешивайся, мама! — произнёс муж, бросив на неё короткий взгляд. — Эта женщина, на которой я женился, утверждает, что виновата ты. А я не стану слушать, как кто-то оскорбляет мою мать в тот момент, когда я сказал ей просто стоять и молчать!

Я видела, как на лице свекрови появилась улыбка, словно ответ сына был бальзамом на её душу.

— Не кто-то! А твоя жена! — Я скрипнула зубами. — И вместо того, чтобы искать виновных, лучше бы искал того, кто поможет нашему сыну! В столице много сильных магов! Можно обратиться к другим лекарям, в магический совет, в конце концов!

Не успела я закончить фразу, как свекровь появилась между мной и мужем.

— Так, давайте успокоимся и сразу решим, — вздохнула свекровь. — Я не обижаюсь на твою жену за то, что она во всём решила обвинить меня. Она всегда меня ненавидела. К сожалению. Но я не хочу, чтобы завтра все газеты трубили о том, что с наследником семьи Сильверстайн случилось несчастье! Это сильно ударит по репутации семьи. К тому же слухи расползутся очень быстро. Нам нужно сохранить это в тайне. Никаких громких поисков, разводов и прочего. Репутация семьи не должна пострадать!

Глава 15

— О какой репутации идёт речь, если ребёнок умирает? — закричала я. Горло саднило от крика. Я облизнула пересохшие губы, но легче не стало.

Свекровь посмотрела на меня так, словно я горничная, опрокинувшая кружку чая на её новый ковёр.

— О той репутации, дорогая моя, которую веками зарабатывали предки! И к которой ты удачно примазалась, выйдя замуж за моего сына! Деваир, выслушай меня. Не стоит предавать это огласке. Мы постараемся сохранить репутацию семьи. И спасти бедного ребёнка. Нужно думать о будущем. Род со слабым наследником — это худшее, что могло произойти с нами.

Мой муж посмотрел на свою мать, а потом перевёл взгляд на несколько портретов предков, украшавших стену комнаты.

— Думаю, это будет правильно, — вздохнул он, а потом посмотрел на сына. — Это не значит, что я опущу руки! Я найду того, кто его вылечит!

Во мне всколыхнулась надежда. Деваир никогда не бросал слов на ветер, и хотя бы за это я была спокойна. Через мгновенье он бросил взгляд на меня.

— Значит так, мы возвращаемся в столицу. Там больше шансов найти того, кто ему поможет, — произнёс Деваир и указал на неподвижного сына. Он перевел взгляд на меня. — Что по поводу тебя… Больше ты к этому ребёнку не подойдёшь. Никогда! Не хватало ещё, чтобы моя жена делала моего сына пешкой в своих интригах.

Деваир больше не стал со мной разговаривать. Он подошёл к кровати и осторожно просунул руки под Илеана, стараясь не потревожить его.

Я невольно подалась вперёд, когда увидела, как безвольно свесилась маленькая ручка сына. Муж поспешно поправил её, а потом взял одеяло и принялся укутывать ребёнка.

Я смотрела, как он бережно заворачивает Илеана, стараясь не оставить открытыми даже маленькие ножки, и мучительно вспоминала, как сын всегда сопротивлялся подобной заботе.

Ему никогда не нравилось, когда его слишком тепло одевали или укрывали. Он непременно начинал возиться, освобождать руки, возмущаться, что ему жарко. А сейчас позволял делать с собой всё, что угодно.

Даже когда Деваир поднял его, маленькая голова безвольно откинулась назад.

Муж тут же поправил одеяло, чтобы поддержать затылок Илеана, и прижал ребёнка к груди.

Мне хотелось помочь ему, поправить ткань, поддержать сына за спину, но я не решалась сделать ни шага. После недавнего запрета приближаться к мальчику я боялась, что Деваир снова оттолкнёт меня, и это произойдёт на глазах свекрови и Нелли.

— Ты куда его понёс? — прошептала Девора, внезапно побледнев. Она даже привстала со своего места и потянулась к сыну, словно хотела остановить его. — Деваир, милый, куда ты собрался? Может быть, сначала стоит всё обдумать?

Глава 16

— Домой, — коротко ответил муж, направляясь к двери. Он даже не замедлил шага, когда мать поспешила следом. — В столице у него больше шансов получить помощь.

— Но ведь доктор сказал, что не знает, как помочь мальчику! — растерянно возразила свекровь. — Может, лучше оставить его здесь? Всё-таки переезд, тряска в карете… Ты же сам слышал, насколько опасно его состояние!

Деваир остановился возле двери и повернул голову к матери.

— Именно поэтому я и хочу отвезти его в столицу, — произнёс он, придерживая сына. — Здесь мы потеряем время. А там я смогу пригласить других лекарей.

Я едва удержалась, чтобы не броситься мужу на шею. Значит, он действительно собирался спасать Илеана! Значит, несмотря на всё случившееся, его обещание найти выход было не пустыми словами.

Мне хотелось сказать Деваиру, что он поступает правильно, что я благодарна ему хотя бы за это решение. Но, посмотрев на свекровь, я промолчала.

Девора стояла возле двери, сжимая в руках платок. Её лицо оставалось бледным, и мне даже показалось, что от известия о нашем отъезде она разволновалась сильнее, чем от заключения лекаря.

— Деваир, — снова начала она, однако муж уже вышел в коридор.

Я поспешила следом. После долгого стояния у кровати ноги плохо слушались. Я придержала юбку, чтобы не запутаться в подоле, и прибавила шаг.

В коридорах поместья пахло воском и свежей хвоей. Возле лестницы уже поставили высокие вазы с еловыми ветвями, перевитыми красными лентами. Раньше я задержалась бы полюбоваться украшениями, но сейчас они выглядели непозволительно празднично для дома, где умирал мой сын.

Несколько шагов он прошёл молча, а потом неожиданно остановился.

— Ты собираешься домой или остаёшься здесь? — раздражённо спросил Деваир, обернувшись ко мне.

Я растерялась. После его угрозы не подпускать меня к ребёнку я даже не была уверена, что муж позволит мне вернуться вместе с ними. Мне казалось, он может приказать остаться в поместье матери до выяснения обстоятельств, а сам увезёт Илеана.

И от одной мысли о том, что меня разлучат с сыном, которому сейчас так нужна помощь, мне становилось дурно.

— Конечно, я еду домой! — поспешно ответила я, догоняя мужа. — Илеан мой сын, Деваир. Неужели ты думаешь, что я останусь здесь, пока его увозят?

Муж окинул меня тяжёлым взглядом. По его лицу я не смогла понять, что он думает, однако он уже отвернулся, так и не ответив на мой вопрос.

— Тогда давай быстрее, — произнёс Деваир, придерживая одеяло, в которое был завёрнут Илеан. — Дома тебя ждёт серьёзный разговор.

Глава 17

Я невольно остановилась.

Серьёзный разговор? А что происходило в детской всё это время? Разве я не пыталась объяснить ему, что не причиняла вреда собственному ребёнку? Разве мы не выясняли отношения на глазах у его матери и её воспитанницы, пока наш сын лежал без сознания?

Неужели дома он собирался продолжить требовать признания?

Я посмотрела через плечо на свекровь. Девора стояла возле дверей детской, наблюдая за нами. Наши взгляды встретились, и уголки её губ едва заметно приподнялись.

Она улыбалась.

Я отвернулась, чувствуя, как снова начинает гореть ушибленная щека. Свекровь даже не пыталась скрыть своего удовлетворения. Казалось, её нисколько не беспокоило, что внука увозят в тяжёлом состоянии. Гораздо важнее было то, что сын ей поверил и теперь собирается устроить жене огромные неприятности.

Я поспешила за Деваиром, стараясь не отставать.

На широкой лестнице муж замедлил шаг. Он осторожно спускался, держа Илеана так, чтобы голова мальчика покоилась на сгибе его локтя.

При каждом движении край одеяла немного соскальзывал, и я видела маленькие пальчики, покрытые чёрной чешуёй.

Мне хотелось дотронуться до них, хотя бы на мгновение почувствовать руку сына в своей ладони. Я уже несколько раз почти протягивала руку, но всякий раз останавливалась, опасаясь реакции Деваира.

Внизу нас ждал дворецкий. Заметив герцога с ребёнком на руках, он поспешно распахнул двери.

С улицы потянуло прохладным воздухом. Я услышала перестук копыт по камням и приглушённый голос кучера, который, судя по всему, уже готовил карету к отъезду. Ещё немного, и мы окажемся в дороге. А потом в столице, где есть сильные маги, доктора, целители, способные справиться с тем, что оказалось не под силу деревенскому лекарю.

Я попыталась представить, как Илеан снова откроет рот и позовёт меня. Как начнёт жаловаться, что его слишком туго укутали. Как попросит воды или скажет, что хочет домой.

Но всякий раз перед глазами возникало его неподвижное лицо с чёрной чешуёй.

Я не могла забыть этот взгляд, устремлённый куда-то мимо меня. Я не могла думать ни о чем другом, кроме этого взгляда, застрявшего перед глазами.

Когда мы почти дошли до входной двери, Деваир внезапно остановился.

За стеклянными дверями холла кружился густой снег. Подъездную аллею уже занесло, а фонари освещали узкие полосы дорожек, расчищенных слугами. Я вспомнила, как Илеан радовался первому снегу, а теперь не знала, доведётся ли ему увидеть хоть одну снежинку этой зимой.

Я едва не налетела на него и поспешно отступила. Муж повернул голову и посмотрел на меня. Только сейчас я заметила, что по моим щекам снова текут слёзы. Я торопливо вытерла их ладонью, но новые тут же покатились следом.

Деваир некоторое время молчал, разглядывая моё лицо. Затем поднял взгляд к лестнице, по которой мы только что спустились.

Там, наверху, остались его мать и Нелли.

Мне показалось, что муж о чём-то задумался. Он посмотрел на сына, осторожно поправил край одеяла возле его лица и неожиданно обратился к дворецкому:

— Соберите всех слуг. Очень тихо и очень быстро, — произнёс Деваир, не повышая голоса. — Мне бы хотелось кое-что у них уточнить.

Глава 18

Я замерла, не веря собственным ушам. Впервые за всё время, проведённое в поместье, мне захотелось рассмеяться от облегчения.

Он всё-таки решил проверить! Сам! Без подсказок матери, без её жалоб и обвинений!

Мне хотелось поверить, что Деваир наконец усомнился в словах Нелли. Ведь если он действительно хочет разобраться, то обязательно поймёт, что их показания ничего не доказывают.

Возможно, кто-нибудь из слуг видел, что происходило с Илеаном до нашего приезда. Кто-нибудь мог заметить подозрительные действия Деворы или Нелли, услышать разговор, увидеть незнакомого посетителя.

Может, кто-то из слуг испугается лгать главе рода, и правда вылезет наружу прямо сейчас.

Я смотрела на мужа, не решаясь заговорить, чтобы случайно не спугнуть его намерение. Мне казалось, стоит только произнести хоть слово, как он снова обвинит меня в попытке повлиять на расследование.

Дворецкий почтительно склонил голову и удалился. Деваир же остался стоять возле входа с Илеаном на руках.

Несколько раз я замечала, как он опускает взгляд на лицо сына и осторожно поправляет одеяло, словно боится причинить ему боль даже самым незначительным движением.

Я всегда знала, что Деваир любит нашего мальчика. И сейчас, глядя на то, как он держит его, не могла понять, почему такая любовь не позволяет ему хотя бы допустить, что мать ребёнка тоже не способна намеренно причинить ему зло.

Вскоре в холле послышались торопливые шаги.

Слуги подходили один за другим. Несколько горничных, лакеи, другие работники поместья. Одни выглядели растерянными, другие с опаской поглядывали на ребёнка, лежавшего на руках у герцога. Дворецкий велел им выстроиться вдоль стены и сам занял место немного впереди.

Я невольно оглянулась на лестницу. Девора и Нелли не появились.

Это показалось мне хорошим знаком. По крайней мере, теперь свекровь не сможет вмешиваться в каждый вопрос и подсказывать слугам, что они должны отвечать.

Деваир обвёл собравшихся тяжёлым взглядом.

— Я хочу знать, как мой сын вёл себя всё это время, — произнёс он, слегка повернувшись, чтобы слуги могли увидеть Илеана. — Кто из вас видел его сегодня? Чем он занимался?

На несколько мгновений повисла тишина. Из-за распахнутых дверей доносился перестук копыт по камням. Я стиснула зубы: пока мы стояли здесь, Илеану становилось не лучше. Одна из служанок нервно поправила передник, а затем выступила вперёд.

— О, маленький господин часто играл, ваша светлость, — заговорила она, поглядывая на остальных. — Бегал по лестнице, хотя старая госпожа постоянно говорила ему, что это опасно. Он такой подвижный мальчик! За ним только успевай присматривать.

Я почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

Илеан действительно любил бегать. Он почти никогда не мог спокойно пройти из одной комнаты в другую, обязательно ускорял шаг, начинал подпрыгивать, обгонять сопровождающих. Мне приходилось напоминать ему, чтобы он был осторожнее, потому что любые чрезмерные нагрузки могли плохо сказаться на его здоровье.

И всё-таки он был ребёнком. Ему хотелось играть, смеяться, носиться по дому, как другим детям. А я никогда не могла смотреть на эти игры без тревоги.

— Как давно он в таком состоянии? — спросил Деваир, чуть крепче прижав сына к себе.

Дворецкий удивлённо посмотрел на мальчика, словно только сейчас осознал, насколько серьёзно случившееся.

— Ещё до вашего приезда он бегал по коридорам, ваша светлость! — заверил он, почтительно склонив голову. — Я сам его видел. Не могу поверить, что с маленьким господином такая беда приключилась!

Глава 19

Деваир посмотрел на часы.

Я тоже попыталась вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как мы приехали. Мне казалось, что я провела возле кровати сына целую вечность, хотя на самом деле всё произошло довольно быстро.

Скандал со свекровью, появление мужа, приезд доктора… От волнения я совершенно потеряла счёт времени.

Но если дворецкий говорит правду, значит, незадолго до нашего приезда Илеан был совершенно обычным ребёнком.

— Он едва не уронил меня вместе с подносом, — вдруг вмешалась другая служанка, явно желая подтвердить слова дворецкого. — Я ещё сказала ему, что несу горячий чай и он может обвариться. А маленький господин рассмеялся и побежал дальше. Я даже испугалась, что старая госпожа снова будет ругать меня за то, что я не удержала поднос и подвергла жизнь ребёнка опасности.

Она смущённо улыбнулась, но, заметив неподвижного мальчика, тут же перестала улыбаться.

Я смотрела на женщину, пытаясь понять, насколько искренне она говорит. Её рассказ был слишком похож на обычное воспоминание о детской шалости. Я могла представить себе эту сцену: Илеан несётся по коридору, не обращая внимания на предупреждения, а бедная служанка пытается удержать поднос с горячим чаем.

Сын вполне мог так поступить.

Но и Нелли рассказывала о том, как я давала ребёнку зелье, с такой уверенностью, что ей поверили все присутствующие. И теперь я уже не знала, как отличить правду от хорошо подготовленной лжи.

— Выходит, незадолго до нашего приезда он был совершенно здоров? — уточнил Деваир, переводя взгляд с одной служанки на другую. — Я правильно вас услышал? Никаких приступов, жалоб, слабости?

В соседней комнате скрипнула дверь, и оттуда потянуло морозным воздухом. Кто-то из слуг, должно быть, вернулся со двора: на полу остались мокрые следы сапог. Дом жил обычными зимними хлопотами, пока мы пытались выяснить, кто причинил вред ребёнку.

— Нет, ваша светлость! — поспешила заверить первая служанка, прижимая ладони к переднику. — Ничего подобного не замечали. Маленький господин вёл себя как обычно.

Дворецкий согласно закивал, а остальные принялись подтверждать его слова. Кто-то вспомнил, что видел ребёнка в коридоре, кто-то сказал, что мальчик утром хорошо завтракал. Я слушала и пыталась уловить хоть одно противоречие, но слуги, похоже, не сомневались в своих показаниях.

Особенно меня мучил вопрос, где они находились в тот момент, когда с Илеаном случилась беда. Ведь если каждый из них видел его здоровым, значит, кто-то должен был заметить и то, что произошло потом.

Я уже открыла рот, собираясь спросить, кто последним заходил в детскую, но Деваир опередил меня.

— Ясно. Свободны, — произнёс он, коротко кивнув дворецкому.

Мне захотелось возразить. Ведь муж почти ничего не выяснил! Слуги сообщили ему, что ребёнок до нашего приезда чувствовал себя хорошо, но никто так и не рассказал, что происходило после этого. Почему Деваир не спросил, кто находился рядом с Илеаном? Кто укладывал его спать? Кто заходил в детскую?

Однако он уже отвернулся и направился к выходу.

Я растерянно посмотрела на удаляющихся слуг. Они поспешно расходились по коридорам, переговариваясь вполголоса, а дворецкий распахнул перед нами дверь и жестом пригласил следовать к карете.

«Он доверяет матери!» — пронеслось в голове, а я скрипнула зубами от досады.

Ветер с улицы холодил мокрые щёки, но я почти не замечала этого. Мне хотелось догнать мужа и заставить его вернуться к разговору. Ведь он действительно начал выяснять обстоятельства! Почему же остановился, едва услышав первые ответы?

Глава 20

Деваир осторожно поднялся в карету с Илеаном на руках. Дворецкий придержал дверцу, пока муж устраивал сына на сиденье, и пропустил меня следом.

Я поспешила внутрь, стараясь не зацепиться подолом платья за подножку. В карете пахло кожей сидений и дорожной пылью. Я попробовала вдохнуть через рот, чтобы справиться с тошнотой.

В тесном пространстве кареты сразу стало заметно, насколько крупным и неподвижным выглядит свёрток в руках мужа. Я видела только личико Илеана, маленький нос и открытые глаза, в которых по-прежнему не появлялось никакого осмысленного выражения.

— Давай я подержу его, — попросила я, протягивая руки. — Тебе ведь будет неудобно всю дорогу…

— Сиди на своём месте, Элла, — строго произнёс Деваир, даже не взглянув на меня. Он поправил одеяло у подбородка мальчика и осторожно устроил его голову на сгибе локтя. — Я сам.

Мне пришлось опустить руки на колени. Пальцы не сразу разжались, словно я всё ещё собиралась подхватить Илеана на руки.

Никогда прежде я не думала, что буду вынуждена просить собственного мужа позволить мне подержать нашего сына.

До сегодняшнего дня подобная просьба показалась бы мне нелепой. Я могла взять Илеана на руки в любую минуту, прижать к груди, поцеловать, утешить, когда он плакал или пугался.

Теперь же между мной и ребёнком сидел его отец, который считал, что я способна причинить мальчику зло.

Карета тронулась, и я поспешно ухватилась за край сиденья, почувствовав первый толчок. Деваир тут же прижал сына немного крепче, чтобы уберечь его от тряски, и я невольно проследила за этим движением.

Он заботился об Илеане так, как всегда заботился. И оттого его недоверие ко мне было ещё мучительнее.

В памяти всплыл один зимний вечер. Мы с Деваиром возвращались с прогулки, а Илеан между нами пытался перепрыгнуть каждую тёмную полоску на снегу и не позволял нести себя на руках. Тогда мы смеялись над его упрямством. Теперь я боялась никогда больше его не услышать.

Мне хотелось верить, что муж просто испуган. Что он не понимает, как поступить, боится потерять сына и потому цепляется за единственное объяснение, которое ему предложили.

Возможно, когда мы окажемся дома и он немного успокоится, у меня наконец получится поговорить с ним без криков свекрови и обвинений Нелли.

В нашем доме он всегда был другим. Я знала его привычки, помнила, каким уставшим он возвращался после долгих деловых встреч, как внимательно слушал мои рассказы об Илеане. Мне хотелось хотя бы ненадолго вернуть того Деваира, который не смотрел на меня как на преступницу.

Я украдкой вытерла слёзы, стараясь не привлекать внимания мужа. Но он всё равно заметил это и поднял голову.

Наши взгляды встретились. Я попыталась улыбнуться ему, хотя губы плохо слушались.

Деваир вдруг посмотрел на мою руку. Он всегда замечал, когда я нервничала и начинала теребить пальцами край рукава. Обычно просто брал мою ладонь в свою, и я постепенно успокаивалась. Иногда подносил её к губам, не переставая слушать, что я говорю. Сейчас он тоже едва заметно потянулся ко мне, но остановился и снова поправил одеяло на Илеане. Я сделала вид, что не заметила этого движения.

— Деваир, — тихо начала я, осторожно придвигаясь на край сиденья. — Спасибо, что решил расспросить слуг.

Муж ничего не ответил, но продолжал смотреть на меня. Я восприняла его молчание как разрешение говорить дальше.

— Я так рада, что ты наконец решил разобраться, — произнесла я, стараясь не сорваться на плач. — Ведь ты же понимаешь, что показаний Нелли недостаточно? Она могла ошибиться. Или солгать. Неужели никто не видел, что происходило с Илеаном до того, как я вошла к нему?

Глава 21

Деваир некоторое время молчал. Потом опустил взгляд на сына и осторожно поправил край одеяла, прикрывавший маленькую руку.

— Я хотел выяснить, когда именно Илеану стало плохо, — произнёс он негромко. — Теперь мне известно, что незадолго до нашего приезда он бегал по дому, смеялся и прекрасно себя чувствовал. И теперь я ещё больше склоняюсь к мысли, что моя мать была права.

Я несколько мгновений смотрела на мужа, ожидая продолжения. Может быть, он скажет, что слова дворецкого заставили его задуматься? Что он хочет узнать, кто укладывал Илеана спать, кто последним видел его здоровым? Но Деваир молчал и только придерживал голову сына на сгибе руки, когда карету снова тряхнуло.

— В чём именно твоя мать была права? — спросила я, стараясь не повышать голоса. — В том, что я отравила собственного ребёнка? Дворецкий видел Илеана здоровым до нашего приезда. Ты ведь тоже приехал вместе со мной. Разве это доказывает, что виновата именно я?

За окном скрипнули колёса. Деваир посмотрел на меня так, словно я нарочно отказывалась понимать совершенно очевидные вещи.

— Я пытаюсь разобраться, Элла. И мне хотелось бы, чтобы ты наконец перестала со мной воевать, — ответил он устало. — Послушай. Допустим, ты дала Илеану зелье. Не спорь сейчас! Просто слушай. Не подумала, испугалась, решила, что ему плохо. Он ведь слабенький, мы оба это знаем. А то средство, которое нашёл доктор, было укрепляющим.

Стёкла кареты запотели, а по краям уже проступили морозные узоры. Когда-то я любила рассматривать их во время зимних поездок и показывать Илеану, на что похожи ледяные веточки. Теперь за стеклом ничего не хотелось видеть: мне было важно лишь услышать, что муж мне верит.

Я крепко стиснула пальцы на коленях. Муж говорил уже не так, как в детской, где ему приходилось повышать голос, чтобы перекричать мать. Сейчас он подбирал слова осторожно, будто предлагал мне выход из неприятного положения.

И от этого было особенно тяжело.

— Может быть, тебе показалось, что у него что-то болит, — продолжил Деваир, склонившись к сыну, чтобы поправить одеяло. — Ты хотела помочь. Ошиблась. Увидела, что стало хуже, и испугалась. Такое могло случиться. Но зачем было молчать? Зачем обвинять матушку? Ты могла сразу сказать мне правду. Я бы понял, Элла. И даже ругаться не стал бы. Нам нужно знать, что произошло, чтобы помочь ему.

Он поднял на меня глаза. В них было столько усталости, что на мгновение мне захотелось просто взять мужа за руку и попросить его больше ничего не говорить.

Ведь он и вправду считал, что проявляет ко мне великодушие.

— Деваир, я ничего ему не давала, — произнесла я, ощущая саднящую кожу на запястье там, где меня схватила его мать. — Ни укрепляющего зелья, ни какого-либо другого. Когда Нелли привела меня в детскую, Илеан уже лежал без движения. Я не знаю, сколько раз мне придётся это повторить, чтобы ты услышал.

— Но ведь ты понимаешь, почему я сомневаюсь? — Муж нахмурился и отвёл взгляд к окну. — Ты иногда делаешь то, что считаешь правильным, даже когда тебя просят поступить иначе.

Я знала, куда он ведёт разговор, ещё до того, как Деваир произнёс следующее имя.

— Помнишь историю с моим братом?

Глава 22

Я невольно опустила глаза.

Касимер, младший брат моего мужа, умел появляться именно тогда, когда остальные уже уставали расплачиваться за его поступки.

Однажды он пришёл ко мне за деньгами. Рассказал, что влез в карточные долги, что ростовщик грозится забрать последнее имущество, и поклялся, что больше никогда не сядет за игровой стол.

Деваир ещё раньше предупредил меня, что не станет оплачивать долги брата и просит меня не вмешиваться.

Но Касимер тогда выглядел измученным и отчаявшимся. Он твердил, что у него огромные неприятности и ему уже угрожают. Я пожалела его. Я отдала ему деньги из собственных средств, а вечером, когда муж спросил, виделась ли я с его братом, ответила, что нет.

Я не знала, что Касимер в пылу ссоры сам сказал брату, что я оказалась куда «добрее», чем он.

Помню, как муж стоял напротив меня, ожидая ответа, и как изменилось его лицо, когда я солгала ему прямо в глаза. Потом он спросил ещё раз. Мне пришлось признаться. Деваир рассердился не столько из-за денег, сколько из-за того, что я нарушила данное слово и попыталась это скрыть. И справедливо рассердился. Особенно когда Касимер спустя некоторое время снова проигрался.

С тех пор я больше не давала его брату денег.

— Да, я помню, — ответила я, подняв голову. — Тогда я солгала тебе, и мне до сих пор стыдно за это. Ты имел полное право сердиться. Но какое отношение Касимер имеет к Илеану?

Деваир провёл ладонью по волосам и посмотрел на меня с таким выражением, будто мой вопрос только подтверждал его опасения.

— Сам факт лжи. Знаешь, я считаю, что если человек солгал мне один раз, отношения между нами уже никогда не станут прежними. Никогда, — произнес муж. — Если солгал раз, то солжёт и второй, и третий раз. Я больше не доверяю таким людям, понимаешь?

Я чувствовала, как во рту набегает слюна. Но у меня не было сил, чтобы её проглотить.

— То есть, с того момента, я живу с тобой, не зная о том, что ты записал меня в лгуньи? — спросила я, сощурив глаза.

— В какой-то мере да, — холодно произнёс муж. — Любой человек, который солгал мне хоть раз, автоматически теряет моё доверие.

Я не могла поверить в то, что слышу. Я жила с ним, будучи уверенной в том, что у нас всё хорошо до сегодняшнего дня, а на мне уже было клеймо?

— Ты понимаешь, как это звучит? — спросила я, чувствуя раздражение от одной мысли, что на мне поставили моральный крест. — Я тогда действительно испугалась, что с твоим братом случится беда. Он просил не говорить тебе. Или что? Мне нужно было не давать ему денег? А вдруг и правда с ним бы что-то случилось? Тогда бы крайней была я! Твоя семья меня бы сожрала!

Глава 23

— Я рассказывал тебе о постоянной лжи моего отца. Он лгал всегда. На ровном месте. Поэтому меня тошнит от лжи. С детства, — с раздражением произнес муж. — За брата я простил тебя. И сейчас я говорю, что смогу понять, если ты совершила ошибку, пытаясь помочь сыну.

— Ах, ты простил меня, — удивлённо повторила я. — А теперь при каждом удобном случае можешь напоминать об этом? Я действительно помогла Касимеру и действительно солгала тебе. Но Илеану я ничего не давала. Если ты однажды поймал меня на лжи, это не значит, что теперь я виновата во всём, в чём меня обвинит твоя мать!

Муж хотел что-то ответить, но в этот момент карета угодила колесом в глубокую выбоину. Меня бросило к дверце. Я успела ухватиться за кожаную петлю, больно ударившись локтем о деревянную обивку.

Илеан в руках Деваира качнулся. Муж мгновенно прижал его к себе, прикрывая голову ладонью. Край одеяла соскользнул на лицо мальчика, закрыв нос и рот.

— Одеяло! — вырвалось у меня, и я потянулась к сыну. — Деваир, убери его с лица!

Муж сразу отогнул ткань. Я видела, как он наклонился к Илеану и прислушался к его дыханию, почти касаясь щекой маленького лба.

— Дышит, — тихо произнёс он. — Всё хорошо. Дышит.

Он говорил это скорее себе, чем мне. Его пальцы, обычно такие уверенные, на мгновение задержались на краю одеяла, прежде чем он снова укутал сына. Я протянула руку, чтобы поддержать мальчика за плечо, и Деваир не оттолкнул меня. Мы вместе поправили одеяло, пока карета выравнивалась на дороге.

Я коснулась крошечной чешуйчатой ладони. Она оставалась тёплой. От этого прикосновения мне захотелось плакать ещё сильнее, хотя слёзы, казалось, уже закончились.

— Ему нужно подложить что-нибудь под голову, — попросила я, показывая на сложенную дорожную подушку возле мужа. — Иначе на каждом ухабе его будет запрокидывать.

Деваир посмотрел на подушку, потом на Илеана и молча согласился. Пока он приподнимал сына, я устроила мягкий валик под его затылком. Муж осторожно опустил мальчика и ещё раз проверил, свободно ли тот дышит.

Несколько минут мы сидели рядом, не разговаривая. Я продолжала смотреть на Илеана, а Деваир держал ладонь возле его лица, словно боялся пропустить малейшее изменение.

Потом муж убрал мою руку с края одеяла. Не резко, как в детской, а осторожно, положив её мне на колени.

Муж не сразу убрал свою ладонь. Вместо этого перевернул мою руку пальцами вверх и медленно провёл большим пальцем по её середине.

Я знала эту ласку. Так он касался меня под столом на бесконечных ужинах у родственников, когда ему надоедали разговоры, и он хотел поскорее увезти меня домой.

Я сжимала его палец в ответ, и Деваир тут же начинал придумывать причину, по которой нам необходимо уехать.

Сейчас моя рука сама повернулась навстречу его ладони.

Муж поднял голову. Мы смотрели друг на друга, а его палец продолжал двигаться. Я видела знакомую складку возле его рта, которая появлялась, когда он сдерживал улыбку. Только теперь Деваир не улыбался.

Он слегка потянул меня за руку. Совсем немного, но я придвинулась. Колени соприкоснулись, и муж не отстранился.

Я вспомнила другую поездку, когда мы едва успели усесться в карету, а он уже привлёк меня к себе и велел кучеру не торопиться. Наутро я обнаружила, что у меня недостаёт несколь-

ких шпилек. Деваир потом нашёл их под сиденьем и до вечера дразнил меня тем, что теперь мы обязаны ездить только в этом экипаже.

Я почувствовала, как учащается дыхание. Неужели он всё ещё хочет меня? После того, что наговорил, после обвинений? И, что было хуже, я сама едва удержалась, чтобы не придвинуться ещё ближе.

В этот момент из-под одеяла выскользнула маленькая ладонь Илеана.

Я посмотрела на неподвижные пальчики сына и осторожно высвободила свою руку. Деваир проследил за моим движением, опустил глаза к мальчику и поправил одеяло. А я сжала ладони на коленях, чтобы больше случайно не потянуться к мужу.

— Я сам за ним присмотрю, — произнёс он.

Глава 24

Эта спокойная уверенность была даже мучительнее приказа. Совсем недавно мы вдвоём помогали сыну, и на несколько мгновений мне показалось, что у нас снова есть одна общая беда. Но теперь Деваир снова отодвинул меня от него.

Остаток дороги мы почти не разговаривали.

Муж не позволил никому брать Илеана на руки. Мы сделали лишь одну остановку на почтовой станции. Муж сам отправил срочное магическое послание в столицу, потребовав вызвать к нашему дому лучших лекарей, каких только удастся найти. Я слышала, как он отдавал распоряжения кучеру, и впервые за последние часы почувствовала облегчение: по крайней мере, Деваир не собирался ждать до утра.

Когда карета снова тронулась, я заметила, что у мужа затекла рука. Он несколько раз осторожно переменил положение, не тревожа Илеана, и прижал сына к груди другой стороной. Я хотела предложить помощь, но после его последних слов не решилась.

К тому времени, когда впереди появились первые огни столицы, у меня онемели ноги. В карете стало холоднее. Я натянула рукава на ладони, стараясь согреть исцарапанное запястье. Деваир заметил это и, ничего не сказав, пододвинул ко мне дорожный плед, лежавший возле него.

Я взяла плед. Муж давно привык следить, чтобы я не мёрзла в дороге. Иногда он замечал это раньше меня самой и укрывал ноги, даже не прерывая разговора. Сегодня он сделал почти то же самое, но я не почувствовала прежней нежности. Деваир мог позаботиться о том, чтобы мне было тепло, и одновременно считать, что мне нельзя доверить собственного сына.

Когда карета наконец остановилась у нашего дома, муж первым выбрался наружу, осторожно удерживая Илеана на одной руке. На ступеньке он повернулся ко мне и протянул свободную ладонь.

Во дворе лежал свежий снег. Вдоль крыльца горели фонари, а на дверях висел хвойный венок с красной лентой — его я велела повесить ещё до поездки к Деворе. Сейчас я едва узнала собственный дом.

Я посмотрела на его руку. Именно так Деваир помогал мне выходить из экипажа после каждого бала, каждой поездки, даже когда мы ссорились из-за каких-нибудь пустяков. Он никогда не позволял мне спускаться без поддержки, если находился рядом. Вероятно, помог бы и совершенно незнакомой даме.

Я вложила пальцы в его ладонь. Муж сжал их ровно настолько, чтобы удержать меня, пока я выбиралась на каменные ступени.

На последней ступеньке я оказалась почти вплотную к нему. Деваир привычно чуть повернулся ко мне, как делал после вечерних выездов, когда вместо того, чтобы сразу войти в дом, задерживал меня возле кареты и целовал.

Я даже приподняла голову раньше, чем поняла, что делаю. Муж посмотрел мне в лицо. Потом перевёл взгляд на сына, лежавшего у него на руке, и я поспешно спустилась на землю.

Ноги после долгой дороги едва слушались, и я была благодарна за эту простую помощь, хотя ничего в его отношении ко мне она не меняла.

Деваир отпустил меня, как только я оказалась на земле. В тот же миг он снова поправил одеяло на сыне и направился к открытым дверям.

У входа уже ожидал дворецкий. За его спиной стояли встревоженные слуги, а из глубины дома доносились быстрые шаги. Похоже, магическое послание мужа успело раньше нас.

— Где лекари? — спросил Деваир, не задерживаясь у порога. — Пусть немедленно поднимаются в детскую. И распорядитесь, чтобы принесли всё необходимое. Если потребуется ещё кто-нибудь, отправляйте за ним без промедления.

Я поспешила следом, придерживая одной рукой край платья. В голове была только одна мысль: сейчас Илеана осмотрят другие врачи. Возможно, кто-то из них всё-таки знает, как ему помочь.

Но возле лестницы Деваир остановился и повернулся ко мне.

— Отвести её в комнату. И проследить, чтобы она оттуда не выходила.

Глава 25

— Что значит — отвести в комнату? — переспросила я, не сразу поверив, что Деваир обращается к лакеям, стоявшим за моей спиной. — Деваир, ты о чём? Ты же сам только что распорядился позвать врачей! Я собиралась подняться вместе с вами.

Муж стоял на нижней ступени лестницы с Илеаном на руках.

Одеяло сбилось возле маленького подбородка, и мне было видно лицо сына: чёрные чешуйки, открытые глаза, совершенно неподвижные ресницы.

Я потянулась поправить ткань, но Деваир повернулся боком, закрыв мальчика своим плечом.

— Ты не будешь присутствовать при осмотре. Я хочу получить независимое мнение и лично поговорить с каждым доктором, — пояснил муж.

Он говорил так деловито, словно речь шла о встрече с управляющим, на которой моё присутствие и правда было необязательным.

Его ровный тон возмутил меня больше самого запрета. Я шагнула к лестнице и выпалила:

— Нет! Мой ребёнок там! Врачи сейчас будут его осматривать, а ты приказываешь мне уйти?!

Я обошла первую ступень, намереваясь подняться следом. Деваир плотнее прижал Илеана к груди.

Сын даже не шевельнулся, когда край одеяла коснулся его носа, и мне невыносимо захотелось освободить маленькое личико от ткани. Хотя бы это мне ещё разрешалось? После сегодняшнего дня я уже ни в чём не была уверена.

— Не начинай снова, — устало произнёс муж, заметив, куда я смотрю. — Ты достаточно наговорила за сегодняшний день.

Я подняла голову, пытаясь поймать взгляд Деваира, и возразила:

— Я ещё даже не знаю, что с ним! Ты не имеешь права меня отстранять! Ты ведь слышишь, о чём я прошу? Мне не нужны ваши разговоры с докторами. Мне нужно быть рядом с Илеаном.

— Господа, выполняйте приказ, — обратился муж к лакеям, так и не ответив мне.

Старший, служивший в нашем доме ещё до моей свадьбы, заметно побледнел, а молодой перевёл глаза с меня на герцога.

Оба оставались возле лестницы, словно надеялись, что Деваир передумает раньше, чем им придётся прикоснуться к собственной госпоже.

Старший лакей всё же попытался возразить:

— Ваша светлость…

Он осёкся и спрятал руки за спину. Этот почтительный жест выглядел нелепо: хозяин дома требовал от него силой увести хозяйку.

— Я повторять не стану, — отрезал Деваир. Он даже не повысил голоса. Лакеи тотчас двинулись ко мне, и я поняла, что на их благоразумие рассчитывать не приходится.

Когда младший протянул руку к моему локтю, я отшатнулась и воскликнула:

— Не трогайте меня! Я ваша госпожа! Деваир! Прикажи им отойти!

Я попыталась пройти между мужчинами, пока они ещё медлили.

Подол платья задел перила; я торопливо высвободила его, не желая потерять ни секунды.

Муж тем временем уже поднимался по лестнице, осторожно придерживая затылок Илеана. Я видела лишь свисавший край одеяла и маленькую ножку под ним.

— Деваир! — закричала я ему вслед, стараясь перекричать собственное сердцебиение. — Посмотри на меня! Я мать Илеана! Ты не можешь просто запереть меня, пока он…

Муж не остановился и бросил через плечо:

— Отведите её.

Я рванулась за ним, но старший лакей удержал меня за предплечье, а молодой заслонил проход. Они старались не причинять боли, однако выбраться между ними не получалось.

Я смотрела, как Деваир поднимается всё выше, и ненавидела эту осторожность в его руках: к сыну он относился бережно, а меня велел убрать, будто я мешала ему заботиться о мальчике.

— Пустите! — Я вырвала руку и тут же почувствовала, как лакей снова коснулся рукава. — Мне нужно к сыну! Вы слышите меня?!

Глава 26

Старший лакей, не поднимая глаз, попытался оправдаться:

— Простите, госпожа. У нас приказ.

— Мне плевать на ваш приказ! У меня ребёнок умирает! — закричала я так громко, что в горле обожгло.

Я не знала, умирает ли Илеан. Лекарь в поместье уверял, что сын жив. Но мальчик так и не пришёл в сознание, а теперь его уносили от меня туда, где, возможно, решалась его судьба.

У лестницы слуги оставили плетёные корзины с еловыми ветками для украшения дома. Илеан собирался помогать мне разбирать их, старательно выбирая самые пушистые. Теперь ветви лежали у стены, а меня уводили от ребёнка, словно чужую женщину.

Лакей опустил голову ещё ниже, и от этого мне захотелось ударить его, хотя виноват был не он.

Меня отвели в наши покои.

Всю дорогу я пыталась обернуться к лестнице, прислушивалась к каждому шагу наверху, но толстый ковёр приглушал звуки.

Когда мы вошли в спальню, я заметила на туалетном столике маленькую деревянную лошадку Илеана. Он оставил её здесь перед поездкой к бабушке, а раньше нередко забирался к нам в постель вместе с игрушками и требовал, чтобы мы непременно посмотрели, какого дракона он нарисовал. Теперь я не могла даже подняться к его кровати.

— Госпожа, прошу вас, — тихо сказал пожилой лакей, остановившись у двери. — Не вынуждайте нас…

Я попыталась пройти мимо него в коридор и сердито перебила:

— Не вынуждать вас что? Запирать меня в собственной спальне? Тогда не запирайте! Передайте герцогу, что я останусь у двери детской. Я никому не помешаю. Я только хочу видеть сына.

Младший уже взялся за дверную ручку. Я успела перехватить её, почувствовав под ладонью холодный металл, и оттолкнула его локоть.

— Нет! Не смей! — закричала я.

Мой голос сорвался так неожиданно, что я сама едва его узнала. Мужчина замер, глядя на мои пальцы, вцепившиеся в ручку, и на мгновение мне показалось, что он постыдится выполнить приказ.

Я была для них не какой-то преступницей, привезённой под стражей. Ещё утром эти люди называли меня своей госпожой.

Лакей наклонился ближе и почти неслышно попросил:

— Уберите руку, ваша светлость.

Он держал дверь, но не решался вырвать ручку у меня из пальцев.

— Я не уберу. Позовите мужа! Пусть сам придёт и скажет мне в лицо, что запретил видеть сына! — кричала я.

Я упёрлась плечом в створку, пытаясь удержать её открытой.

— Если герцог хочет меня запереть, пусть хотя бы посмотрит, кого он запирает!

Молодой лакей наконец взял меня за запястье. Ему пришлось осторожно, один за другим, отвести мои пальцы от ручки. Последним соскользнул большой палец; металл оставил на коже влажный след.

Дверь закрылась, и я услышала, как с другой стороны повернули ключ.

Глава 27

Несколько мгновений я стояла с протянутой рукой, не желая верить этому звуку. Деваир действительно приказал запереть меня в нашей спальне. Здесь, где я всегда могла свободно ходить, спускаться к сыну ночью, если тот просыпался, или позвать мужа, когда мне требовалась его помощь.

Я дёрнула ручку так сильно, что в запястье прострелило болью, и ударила ладонью по двери.

— Откройте! Немедленно откройте! — потребовала я, наклоняясь к щели возле замка. — Вы не имеете права! Слышите?! Это мой дом! Я приказываю вам открыть!

За дверью кто-то переступил с ноги на ногу.

Мне были слышны тяжёлые шаги дежурного лакея, но ключ остался в замке снаружи.

Я снова стукнула, потом стала колотить кулаками, уже не заботясь о том, кто услышит этот ужасный шум.

Запястье, которое свекровь оцарапала фамильным кольцом, саднило всё сильнее; кожа натянулась вокруг ссадины, а пальцы перестали нормально сгибаться. Если бы дверь открылась, я, наверное, не смогла бы сразу удержать ручку.

— Деваир! — кричала я, прижавшись к деревянной панели. — Деваир, пожалуйста! Я не буду спорить! Только разреши мне узнать, что говорят врачи! Не пускай меня в детскую, раз решил, но скажи хотя бы, как Илеан!

Ответа не было. Я прижалась лбом к лакированной поверхности и почувствовала знакомый запах воска и чего-то похожего на ваниль, которым натирали двери в наших комнатах. Когда-то я сама выбрала этот аромат.

Сейчас от него подкатывала тошнота. Я не могла отойти, пока из коридора доносились шаги: казалось, что всякий раз это может оказаться Деваир, наконец пришедший сказать мне о сыне.

— Скажите хотя бы, где Илеан, — попросила я уже тише, обращаясь к человеку за дверью. — Он в детской? Его осматривают? Он дышит?

Лакей долго молчал, и я успела решить, что он ушёл.

Потом раздался молодой голос, исполненный такого стеснения, будто он сам просил прощения за собственный ответ:

— Госпожа, нам велено не выпускать вас.

От этой бессмысленной отговорки я снова сорвалась на крик, хотя горло уже саднило:

— Я спрашиваю не об этом! Мне не нужна ваша помощь с дверью. У вас есть глаза, вы можете узнать, что происходит наверху! Хотя бы спросите кого-нибудь!

За дверью снова стало тихо. Я постояла ещё, прислушиваясь к отдалённым голосам, потом отступила.

В спальне было тепло: слуги успели растопить камин к нашему возвращению. Возле кровати стояли мои домашние туфли, на кресле лежала шаль, которую я обычно набрасывала по вечерам.

Всё приготовили для того, чтобы я могла спокойно отдохнуть после дороги. От этой заботливой аккуратности хотелось выть: отдыхать мне предлагали, пока за несколькими стенами лежал без сознания мой сын.

Я невольно посмотрела на нашу кровать. Деваир никогда не любил, когда я вставала раньше него. Обычно притягивал меня обратно, даже не открывая глаз, находил губами плечо и сонно уговаривал полежать ещё немного. Порой я нарочно выбиралась из-под одеяла первой, чтобы он проснулся и позвал меня.

Теперь мне достаточно было посмотреть на подушки, чтобы вспомнить тяжесть его руки у себя на талии. Я отвернулась. В соседнем крыле лежал Илеан, а я стояла в спальне и вспоминала, как муж целовал меня по утрам. И этот же мужчина велел запереть меня здесь.

Я подошла к туалетному столику и взяла лошадку. Одно её деревянное ухо было обломано — Илеан однажды уронил игрушку на лестнице и потом долго плакал, пока я обещала, что мастер сумеет всё починить.

Я провела большим пальцем по неровному краю.

Мне вдруг так отчаянно захотелось услышать его возмущённый голос, что я прижала лошадку к груди, не обращая внимания на острый край сломанного уха.

— Илеанчик… — выдохнула я и опустилась на край кровати, потому что колени перестали держать.

Сначала из глаз покатились слёзы, затем я разрыдалась так, что не могла вдохнуть без судорожного всхлипа.

Я пыталась утереть лицо рукавом, но слёзы продолжали течь, а деревянная игрушка упиралась в рёбра. Лошадка была твёрдой и неудобной, но отпустить её я не могла.

Когда я наконец смогла встать, за окном уже потемнело. Не зная, сколько прошло времени, я снова кинулась к двери, потому что за эти минуты с Илеаном могло случиться что угодно.

— Откройте! Кто-нибудь! Я хочу знать, жив ли мой сын! — закричала я, ударив в дверь рукой, и сразу отдёрнула её.

Глава 28

По другую сторону двери пахло хвоей. Вероятно, слуги продолжали готовить дом к Новому году: ещё до поездки я распорядилась принести еловые ветви и ленты. Мне было странно, что праздничные приготовления не остановились вместе с нашей прежней жизнью.

На этот раз в коридоре не ответили. Зато мимо быстро прошли несколько человек: я различила звон стекла, чьи-то голоса, шорох одежды. Я прижала ухо к двери, но шаги удалялись, и слов разобрать не удалось.

Часы на каминной полке тикали слишком громко. Я подходила к ним несколько раз, сверяя положение стрелок, но не могла вспомнить, когда именно нас привезли домой.

За время поездки я устала настолько, что теперь не понимала, сколько нужно ждать врачебного заключения.

Я возвращалась к двери, прислушивалась, снова отходила, не находя себе места, и вдруг среди привычных звуков дома различила шум колёс во дворе.

Я бросилась к окну и отдёрнула тяжёлую портьеру. У парадного крыльца горели фонари. Их свет падал на два экипажа и мужчин в тёмных дорожных плащах. Один нёс врачебный саквояж, другой разговаривал со спутником, поправляя очки.

Я узнала лекарей и прижалась ладонями к стеклу, стараясь разглядеть их лица. Они уходили, а я до сих пор не знала, что с Илеаном.

Я схватилась за оконную ручку и потянула её на себя. Створка не шелохнулась. Я попробовала повернуть задвижку, но та словно застряла в раме. Пришлось упереться коленом в подоконник и потянуть обеими руками, однако окно так и не открылось. От усилия заныли пальцы на исцарапанной руке.

— Доктор! Подождите! — закричала я, почти касаясь губами холодного стекла.

Внизу никто не обернулся. Я стукнула по раме ладонью, но возле экипажей продолжали разговаривать. Кучер уже принял саквояж, один из врачей взялся за дверцу кареты. Ещё немного — и они уедут, так и не сказав мне, жив ли мой сын.

Я снова дёрнула задвижку и чуть не сорвала ноготь. Тогда обернулась к туалетному столику, возле которого стоял стул.

Схватила его за сиденье, подняла перед собой, выставив ножки к окну, и ударила по стеклу. От удара стул отскочил, а по стеклу разбежалась трещина. Я едва удержала его в руках, перехватила поудобнее и ударила ещё раз.

Стекло разлетелось со звоном. Осколки посыпались на подоконник, ковёр и наружу. Я поспешно опустила стул на пол и отступила, защищая лицо рукавом. Через выбитую часть окна в спальню ворвался холодный ночной воздух, подхватив край портьеры. Я откинула ткань в сторону и, стараясь не задеть острые обломки в раме, наклонилась к проёму.

— Доктор! Пожалуйста! Посмотрите наверх! — закричала я во двор. Один из мужчин отпрянул от экипажа и поднял голову на звон стекла. Свет фонаря отражался в очках, мешая мне рассмотреть его глаза.

— Госпожа? — растерянно произнёс он, отступая от кареты и пытаясь понять, откуда его зовут.

Я придвинулась к разбитой створке, стараясь не коснуться оставшихся в раме осколков, и крикнула, едва справляясь с хрипотой в горле:

— Что с моим сыном?! Скажите мне! Вы его осмотрели? Он жив?!

Глава 29

Доктор что-то ответил, но слова потерялись между нами: во дворе шумели лошади, а ветер относил звук в сторону.

— Я не слышу! — крикнула я, подаваясь вперёд. — Пожалуйста, скажите громче!

Обычного наклона оказалось мало. Я встала коленями на широкий каменный подоконник, выбрав место, где не лежали осколки, и ухватилась за деревянную раму. Камень давил сквозь ткань платья, подол тянул вниз, а у самого лица поблёскивали острые края уцелевшего стекла. Теперь я могла видеть обоих врачей и различать их движения.

— Госпожа, осторожно! — вскрикнул второй лекарь, заметив меня на подоконнике. — Не двигайтесь!

Первый отступил ещё на шаг и поднял руки, будто собирался поймать меня, хотя между окном второго этажа и мощёным двором было слишком большое расстояние.

— Ради богов, сойдите с окна! — донеслось снизу. По тому, как оба мужчины смотрели на меня, я поняла, что они приняли мою попытку докричаться за намерение прыгнуть.

Я ещё крепче вцепилась в раму и закричала, надеясь, что хоть теперь они ответят:

— Так скажите же мне! Что с Илеаном?! Он дышит? Вы смогли ему помочь? Я его мать! Почему мне никто ничего не говорит?!

Возле крыльца начали останавливаться слуги.

В лицо мне летели редкие снежинки. Они таяли на щеках, смешиваясь со слезами, и от холодного воздуха ломило горло. Внизу темнели спины врачей, на плечах которых белели хлопья снега. Я почти не чувствовала холода: важнее было добиться ответа.

Кто-то побежал в дом, другой замер у экипажа с раскрытым ртом. Доктор в очках оглянулся на дверь, а потом снова поднял голову.

Я не собиралась прыгать. Мне только нужно было услышать ответ, и, если бы он произнёс хоть одно слово достаточно громко, я немедленно слезла бы с окна.

— Госпожа, мальчик… — начал врач, привстав на носки, чтобы его было лучше слышно.

В тот же миг за спиной грохнула дверь, и голос Деваира заглушил окончание фразы.

— ЭЛЛА! — закричал муж так, что я невольно обернулась. Он стоял на пороге, глядя то на выбитое окно и осколки у моих ног, то на мои колени на подоконнике.

На нём была та же дорожная одежда, что и во время поездки. Я увидела, как его лицо изменилось: он мгновенно побледнел и уже не пытался сохранять обычное спокойствие.

Деваир бросился ко мне, потребовав ответа:

— Ты что творишь?!

— Деваир, доктора! Они уезжают! Я пытаюсь узнать… — выдохнула я и показала во двор, но закончить не успела.

Муж обхватил меня за талию и рванул внутрь. Подол зацепился за каменный выступ, колени соскользнули с подоконника, и я вскрикнула, боясь удариться затылком о раму.

Деваир успел повернуть меня к себе, так что на пол я встала обеими ногами, хотя одна туфля съехала с пятки. Он не отпускал, пока не убедился, что я твёрдо стою на ковре.

— Ты с ума сошла?! — выдохнул он мне в лицо, крепко удерживая за плечи. — С такого этажа! А если бы сорвалась?!

— Тогда докторам пришлось бы вернуться! И они бы мне все рассказали! Как там мой сын! — огрызнулась я.

Его пальцы заметно дрожали. Я знала, насколько уверенно эти руки подхватывали Илеана и помогали мне выходить из кареты.

Сегодня муж впервые сжал меня так, будто сам едва не упустил. Я ещё пыталась отдышаться после рывка, когда его взгляд остановился на разбитом окне, а потом переместился на дверь, где застыл прибежавший лакей.

Деваир заметил свидетеля, и хватка на моих плечах стала жёстче.

Глава 30

— Ты ещё решила позорить меня?! — рявкнул он, отступив лишь настолько, чтобы видеть моё лицо. — Стекло разбила! На весь двор орать?! Перед слугами, перед лекарями! Тебе мало того, что ты устроила в поместье матушки?!

Мне пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем удалось переспросить:

— Позорить? Я спросила, что с моим сыном! Ты запер меня здесь, а доктора уезжают. Откуда мне было узнать, что они сказали?

— Ты устроила представление! — Деваир указал рукой на окно. — Люди решили, что герцогиня собирается выброситься из окна!

Из разбитого окна тянуло зимним холодом. По ковру возле подоконника таяли занесённые ветром снежинки, а внизу слуги торопливо расчищали путь для карет. Все могли выйти во двор, кроме матери больного ребёнка.

Я вырвалась из его рук и отступила к столику, прежде чем ответить:

— Да мне плевать, что они решили! Я не знаю, жив ли Илеан! Не знаю, Деваир! Ты запер меня здесь, пока врачи осматривали нашего ребёнка! Я стучала, я звала тебя! Ты не пришёл! Что мне ещё оставалось делать?!

— Тебе было велено оставаться в комнате!

Муж сдержанно произнёс последние слова, заметив у двери лакея, но от этого они прозвучали ещё унизительнее. Будто речь шла не о жене, у которой отняли возможность видеть ребёнка, а о прислуге, ослушавшейся приказа.

Я ударила себя ладонью в грудь, где до сих пор болело от деревянной игрушки, и выкрикнула всё, что не смогла сказать ему в холле:

— А тебе было трудно подняться и сказать мне, что с ним?! Я его мать! Ты слышишь это слово?! Мать! Я носила его, рожала, не спала ночами, когда он болел! Я знаю каждую родинку на его теле! А теперь должна сидеть взаперти и ждать, пока кто-нибудь соизволит сообщить, дышит он или нет?!

Деваир стиснул зубы и отступил на шаг. Его взгляд задержался на моей руке, но он не попытался снова приблизиться.

— Не смей прикрываться материнством после того, что произошло, — произнёс он тихо, так, чтобы лакей у двери всё равно расслышал каждое слово.

Мне стало мучительно стыдно при постороннем человеке, хотя стыдиться должна была не я.

Пальцы сами сжались на мокрой от слёз ткани платья. Я вспомнила, как Илеан ещё совсем недавно бегал по дому, и меня охватила злость от того, что муж говорит обо мне так, будто я уже призналась в преступлении.

— После чего? — спросила я, стараясь не сорваться на крик. — После того, как твоя мать оставила моего сына в таком состоянии? Или после того, как ты решил поверить ей и запереть меня, чтобы я не мешала?

Глава 31

Деваир резко обернулся к лакею и оборвал наш спор:

— Хватит! Задёрните портьеры. И чтобы больше никаких криков!

Лакей поспешно прошёл мимо нас. Под его подошвой хрустнул осколок; мужчина обогнул рассыпанное стекло и задёрнул тяжёлые портьеры перед разбитой створкой. Ткань шевелилась от холодного воздуха, который по-прежнему тянул из окна. Во дворе ещё слышались голоса врачей и прислуги, но я так и не разобрала их слов.

Я невольно сделала шаг к окну, прежде чем вспомнила, что теперь мне всё равно не позволят подойти. Деваир стоял между мной и выходом из комнаты, готовый пресечь любое движение.

— Деваир, — попросила я, отступив от окна. — Скажи мне хотя бы теперь, что они обнаружили. Я уже не знаю, как попросить тебя так, чтобы ты перестал злиться и наконец ответил.

Муж молчал. Я видела, как он опустил глаза на моё расцарапанное запястье, потом отвёл взгляд к задёрнутой портьере. Мне хотелось схватить его за рукав, заставить посмотреть на меня, но я не решилась: ещё одно прикосновение он мог принять за неповиновение.

— Илеан жив. Состояние стабильное. Стабильно плохое, — наконец произнёс Деваир. В его голосе не было утешения; он сообщал результат осмотра, за который я почти готова была благодарить его на коленях.

Я зажмурилась, ухватившись за край туалетного столика. Слова мужа не означали выздоровления, но дали мне возможность на несколько мгновений нормально вдохнуть.

Я боялась, что, пока меня держали взаперти, Илеан мог умереть и мне об этом даже не сообщили бы.

— Он пришёл в себя? — быстро спросила я, сразу подняв голову. — Пошевелился? Узнал кого-нибудь? Что сказали врачи?

Деваир сжал челюсти и ответил не сразу:

— Нет. Он по-прежнему без сознания.

По тому, как он отвёл взгляд, я поняла: муж тоже ждал от врачей большего.

— Но они смогут помочь? — спросила я, не отпуская столик, потому что ноги после пережитого плохо слушались. Я смотрела на Деваира, пытаясь угадать ответ по его лицу: уверенность, с которой он распоряжался при врачах, куда-то исчезла.

Муж потёр переносицу и нехотя признался:

— Они будут пытаться.

Меня не успокоило это обещание. Если бы врачи знали, как привести сына в чувство, муж назвал бы средство или хотя бы время, когда можно ждать улучшения.

— Тогда почему они уехали? Почему не остались с ним? — Я невольно повернулась к окну, за которым только что видела экипажи. — Нужно позвать ещё кого-нибудь! Его лечащего врача, Деваир! Он знает Илеана с рождения!

Деваир не посмотрел на меня и сообщил, машинально расправляя складку на рукаве, смятом, когда он стаскивал меня с подоконника:

— Его уже известили. Он едет.

Я кивнула, цепляясь хотя бы за эту новость. Лечащий врач действительно знал мальчика и никогда не оставлял без внимания его слабость.

Деваир не уходил. Лакей стоял возле закрытого окна, ожидая, не последуют ли новые распоряжения, и от этого молчания мне становилось не по себе. Муж уже сообщил, что Илеан жив и что помощь вызвана, но по его лицу было ясно, что разговор не закончен.

— Есть ещё кое-что, Элла, — произнёс Деваир, осторожно выбирая слова, и я перестала теребить край платья. Он дождался, пока я посмотрю на него, будто хотел убедиться, что на этот раз я не стану перебивать.

От его осторожного тона у меня снова свело живот, и я спросила:

— Что?

Мне казалось невозможным услышать что-либо хуже известия, что Илеан по-прежнему лежит без сознания.

— Врачи обнаружили в организме Илеана следы укрепляющего зелья. Того самого, что было во флаконе из-под кровати, — сообщил муж, внимательно следя за моим лицом. — Магическая экспертиза определила, когда он его выпил. Как раз в тот момент, когда ты вошла в комнату!

Глава 32

— Это могло случиться на несколько минут раньше! — запротестовала я. — Вряд ли они по минутам определили!

Я вспомнила, как первый лекарь в поместье принюхивался к пустой склянке и говорил, что не может утверждать, будто ребёнок принимал её содержимое.

Теперь это сомнение исчезло. Сыну действительно дали запрещённое средство, и мне вдруг стало так страшно, что я непроизвольно прижала ладонь к животу.

За окном кружился снег. Свет фонарей ложился на белый подоконник, напоминая, что до Нового года оставалось совсем немного. Ещё недавно я собиралась выбирать для Илеана подарки, а теперь не знала даже, сможет ли он их открыть.

Кто находился рядом с Илеаном, когда ему давали зелье? Как можно было решиться на это, зная, что он не переносит сильную магию? Ответа у меня не было, зато появилась надежда: теперь хотя бы известно, что искать.

— Значит, его кто-то напоил, — произнесла я, чувствуя, как с трудом выговариваю слова. — Деваир, ты понимаешь? Пока он находился у твоей матери, кто-то дал ему запрещённое средство перед нашим приездом! Нужно немедленно выяснить кто!

Муж криво усмехнулся, хотя тяжёлые от усталости глаза совсем не улыбались:

— И ты опять за своё? Опять матушка, Нелли, кто угодно, только не ты?

— Я ничего ему не давала! — возмутилась я и сделала шаг к нему, хотя он тут же выпрямился, словно собираясь преградить мне дорогу. — Ты только что сказал, что врачи нашли в организме Илеана зелье. Причём здесь я? Где я по-твоему везла зелье? Зачем?

— А что? Для того, чтобы устроить скандал с моей матерью тебе нужно было везти в руках перед моим носом! — вспылил Деваир. — Я прекрасно знаю, как ты была против его поездки, какие напряжённые отношения у тебя были с ней.

Я простонала, сжимая кулак и мечтая ударить им по столу, чтобы почувствовать реальность.

Деваир тяжело выдохнул и заговорил почти шёпотом:

— Довольно, Элла. Я всю дорогу предлагал тебе сказать правду. Говорил, что пойму, если ты ошиблась. Но ты предпочла продолжать лгать.

— А ты не думал, что твоя мать всё это устроила?! — крикнула я.

— Ей зачем это всё устраивать? — спросил Деваир. — Он наследник рода! Старший! Единственный! Она больше всех в нём заинтересована! Да я уверен, что она с него пылинки сдувала! Он жил у нее дома, как маленький принц!

Муж слушал только то, что совпадало с его подозрениями. Я решила спросить его о том, чего не могло быть в заключении докторов.

— Врачи установили, кто именно дал ему зелье? — спросила я, глядя Деваиру прямо в глаза. — Они назвали моё имя? Они видели, как я это делала?

Глава 33

Он не ответил и, опустив руку с переносицы, посмотрел на меня с раздражением. Для меня это молчание было важнее всех его обвинений: врачи подтвердили отравление, но не виновного.

— Нет? — переспросила я, приблизившись к нему. — Тогда что они доказали, Деваир? Что нашего сына отравили магией? Я это знала ещё тогда, когда впервые увидела его в кровати! А ты вместо того, чтобы искать виновного, запер меня здесь!

Муж указал рукой в сторону двери, будто перечислял перед невидимыми свидетелями обвинения, и спросил:

— Когда ты успокоишься? Так, или ты говоришь правду сейчас, или я ухожу к сыну!

— Я требую, чтобы ты поверил мне! — возразила я, не отходя от него, хотя мои руки уже плохо слушались и пальцы дрожали от усталости. — Если ты считаешь меня виновной, объясни хотя бы, зачем мне было это делать. Ради чего я стала бы причинять вред Илеану?

Деваир не стал отвечать на мой вопрос о причинах. Он смотрел на меня так, словно давно всё решил, и произнёс почти спокойно:

— Раньше я склонялся к версии, что ты хотела показать, насколько неправильно было отдавать ребёнка моей матушке. Ты думала, что это будет выглядеть, как лёгкое недомогание. И тогда ты сможешь её обвинить в том, что она не умеет обращаться с ребёнком. Но ты переборщила с зельем, дала ему две взрослые порции. И в итоге это привело к трагедии! — изложил Деваир.

Я искала на его лице хоть что-нибудь от того мужа, который ещё утром помог мне выйти из кареты и заботливо укрывал ноги пледом.

Он стоял совсем близко, и я могла бы коснуться его руки, но теперь боялась, что он снова отстранит меня, как отстранял от Илеана.

Я схватила мужа за лацкан камзола, собираясь заставить его наконец выслушать меня. Деваир перехватил мою руку. Я ждала, что он снимет её с себя, как делал весь сегодняшний день, но муж вдруг притянул меня ближе.

Его ладонь легла мне на поясницу. Я ощутила её даже сквозь платье и невольно задержала дыхание. Деваир прекрасно знал, что делает. Именно так он обнимал меня, когда я начинала спорить с ним в нашей спальне. Не прерывал, не повышал голоса. Просто придвигал к себе, пока я не забывала, о чём собиралась возмущённо говорить.

Я упёрлась второй ладонью ему в грудь. Под пальцами чувствовалось частое биение сердца. Муж наклонил голову, и я увидела небольшую ранку у него на нижней губе. Он иногда прикусывал её, когда сердился. Раньше я целовала его прямо в это место, а потом смеялась, что нашла верное средство от дурного настроения.

Вместо того чтобы оттолкнуть Деваира, я сама чуть поднялась на носки. Его пальцы мгновенно сжались у меня на талии.

Я опустилась на пятки. Боги, что мы делаем?

— Ты ведь только что сказал, что я отравила нашего сына, — произнесла я. — Как ты можешь после этого обнимать меня?

Деваир не ответил. Но и руки не убрал сразу. Я видела, как он стиснул зубы, прежде чем наконец разжал пальцы. Мне пришлось отойти самой.

Деваир первым отвёл взгляд и посмотрел на маленькую деревянную лошадку, оставшуюся на покрывале.

— Деваир… — начала я, не зная, что ещё сказать. Мне хотелось напомнить ему, как сын просыпался по ночам и звал именно меня, но он наверняка услышал бы в этом новую попытку прикрыться материнством.

Муж посмотрел на деревянную лошадку на покрывале, отвернулся и произнёс:

— Сейчас я склоняюсь к версии, что ты больна. Да, Элла, ты больна. Ни одна леди в здравом уме не полезет на подоконник! И не будет кричать докторам. Я давно замечал странности в твоём поведении… И сейчас я не уверен, что ты безопасна для ребёнка, — припечатал муж.

Глава 34

Я снова заплакала, хотя думала, что слёз уже не осталось. Муж направился к двери, где ждал лакей, и я поспешила за ним: если сейчас он уйдёт, мне снова придётся узнавать о сыне через запертую дверь.

— Ты не можешь оставить меня здесь! — Я ухватилась за его рукав, забыв о боли в запястье. — Пожалуйста! Я хочу увидеть сына! Хотя бы на минуту! Я не буду никому мешать! Просто посмотреть на него! В твоем присутствии.

Деваир остановился, не оборачиваясь. Я видела у него на воротнике складку от одеяла Илеана: во время дороги мальчик лежал у отца на руках, и ткань всё время сбивалась возле плеча.

Мне захотелось прикоснуться к этой складке, словно там ещё могло остаться тепло сына.

— Нет, — отрезал муж, снимая мои пальцы со своего рукава. Он не повернул головы, даже когда я позвала его по имени.

Я попыталась обойти мужа и выйти в коридор, окликнув его по имени:

— Деваир! — Он остановился на пороге и повернулся так, что целиком перекрыл мне проход.

Я попробовала проскользнуть между ним и дверным косяком. Деваир поймал меня за талию и поставил обратно перед собой. От неожиданности я вцепилась в его камзол, а он обхватил меня обеими руками, удерживая на месте.

Мы оказались слишком близко. Я чувствовала, как под моими пальцами поднимается его грудь. Муж ещё держал меня, хотя я уже никуда не пыталась пройти. Его рука медленно переместилась с моей талии на спину, задержалась там, где обычно он притягивал меня перед поцелуем.

Я знала, как легко могу сейчас обнять его за шею. Мне даже не понадобилось бы вставать на носки — Деваир уже наклонился ко мне. Я различала знакомую маленькую складку между его бровями, чувствовала его дыхание возле щеки. Он всегда так медлил, когда хотел, чтобы я сама его поцеловала.

На мгновение мне захотелось сделать это. Не просить, не спорить, не доказывать ничего. Просто прижаться к мужу и почувствовать, как его руки обнимают меня по-настоящему.

Но за дверью находился коридор, ведущий к Илеану. А Деваир стоял между мной и собственным ребёнком.

— Я не к тебе, Деваир, — произнесла я, с трудом разжимая пальцы на его камзоле. — Я к сыну. Пропусти.

Муж медленно убрал руки. На ткани моего платья остались складки от его пальцев. Однако дороги он так и не освободил.

— Пока не будет решено, что делать с тобой дальше, ты останешься в этой комнате, — произнёс он, глядя на меня сверху вниз.

В его голосе не было прежней растерянности; он говорил так, будто уже принял решение, а обсуждать его со мной не собирался.

Дверь закрылась. За ней почти сразу повернулся ключ, и мне снова пришлось отступить вглубь комнаты.

Я присела на край кровати, взяла деревянную лошадку и почувствовала под большим пальцем сломанное ухо.

Илеан лежал где-то в соседнем крыле, а человек, который должен был поддерживать меня, объявил меня интриганкой и душевнобольной!

Ключ повернулся в замке, когда я всё ещё сидела на краю кровати с деревянной лошадкой Илеана в руках.

Я положила лошадку на покрывало и поспешно поднялась, решив, что Деваир вернулся. Быть может, он наконец позволит мне увидеть сына или хотя бы передаст слова врачей?

Но вместо мужа в комнату вошли лакеи, а за ними мастер с инструментами и двое слуг, осторожно нёсших большую стеклянную пластину, завёрнутую в плотную ткань.

Я осталась возле кровати, пока они проходили к окну. На ковре ещё поблёскивали осколки разбитого стекла; один из лакеев поднял стул, которым я его выбила, и отставил к стене. Мастер отдёрнул портьеры, и в спальню потянуло холодом.

Я смотрела, как он вынимает из рамы оставшиеся обломки, а слуги собирают стекло с подоконника, и не могла отделаться от нелепой надежды: раз дверь открыли, может быть, мне разрешат хотя бы спросить, что нового в детской.

Однако возле выхода всё время стоял лакей. Когда я невольно шагнула к нему, мужчина молча переместился так, чтобы загородить проход.

Мастер вставил новое стекло.

Оно выглядело совершенно обыкновенным: в нём отражались огонь камина, фигуры слуг и моё собственное лицо с опухшими от слёз глазами.

Я уже собиралась отвернуться, когда один из мужчин взял молоток, а другой крепко прижал створку к раме. Первый удар заставил меня вздрогнуть. Я посмотрела на гвоздь, вошедший в дерево, потом на следующий, который лакей уже приготовился забить.

— Подождите! — дернулась я и обошла стул, чтобы приблизилась к окну, при этом стараясь не наступить на мелкие осколки. — Зачем вы заколачиваете раму? Как же я буду открывать окно? Что вы делаете?

Лакей с молотком остановился.

Он взглянул на мастера, словно я задала вопрос, на который слуги не имели права отвечать.

Тот отложил инструмент, выпрямился и лишь после короткой паузы повернулся ко мне. Говорить со мной ему явно не хотелось.

— Это закалённое магическое стекло. Его нельзя разбить. Так распорядился господин, — ответил мастер, отводя глаза.

Глава 35

Он тут же снова склонился над рамой, предоставив слугам продолжать работу.

Я смотрела, как гвозди один за другим входят в дерево.

Значит, Деваир приказал не просто заменить разбитое стекло, но и сделать так, чтобы я больше не могла открыть окно.

За стеклом шёл снег. Я видела, как он оседает на каменный подоконник и исчезает возле тёплой рамы, но больше не могла почувствовать свежий воздух. Створку заколотили так крепко, словно зима снаружи была опаснее всего, что происходило со мной внутри.

Муж видел, в каком отчаянии я пыталась поговорить с лекарями, слышал, что я ничего не знала о состоянии Илеана. Вместо того чтобы позволить мне узнать хоть что-нибудь, он распорядился лишить меня последней возможности позвать на помощь.

От очередного удара молотка я невольно сжала ладонь, и расцарапанное свекровью запястье болезненно потянуло.

Я стояла совсем близко и видела каждое движение слуг, но остановить их не могла. Они даже не пытались скрыть, для чего заколачивают створку.

В собственном доме меня держали под замком, а теперь ещё и укрепляли окно, которое я разбила, чтобы спросить о жизни своего ребёнка.

Мастер работал быстро, не поднимая на меня глаз. Я вдруг поняла, что после случившегося никто из этих людей уже не видит во мне хозяйку дома, способную отдавать приказы. Все выполняли распоряжение герцога и избегали смотреть мне в глаза.

Когда работа закончилась, слуги убрали инструменты и последние осколки. За новым стеклом виднелся двор, где совсем недавно стояли кареты врачей.

Я подошла к раме и, забыв о забитых гвоздях, попробовала надавить на створку. Она даже не дрогнула. Лакеи между тем уже направлялись к выходу.

Я обернулась на звук их шагов и невольно пошла следом, но человек возле двери снова преградил дорогу.

Пришлось остановиться и смотреть, как мастер уносит инструменты, а за ним выходят остальные. Последним ушёл лакей, державший дверь. Она закрылась, и ключ повернулся в замке с той же привычной деловитостью, с какой здесь запирали кладовые.

Я отошла к кровати и долго стояла рядом, не в силах заставить себя сесть.

Перед глазами всё ещё были руки слуг, гвозди и молоток.

Деваир, наверное, считал, что после разбитого окна он заботится о моей безопасности.

Однако меня пугало совсем другое: пока Илеан лежал без сознания, муж мог распоряжаться мной как угодно, и никто в доме не осмеливался ему возразить.

Я подняла с покрывала деревянную лошадку, провела пальцем по обломанному уху и вспомнила, как сын огорчился, когда игрушка упала с лестницы.

Тогда я обещала, что её обязательно починят. Сейчас я отдала бы всё, лишь бы услышать, как Илеан снова сердится из-за такой пустяковой беды.

Я села, крепче прижала лошадку к груди и разрыдалась. Хотелось кричать, требовать, чтобы меня выпустили, но горло после долгих споров саднило, а перед глазами стояло неподвижное лицо сына.

Я утирала щёки рукавом, пыталась отдышаться, снова начинала плакать.

Из соседнего крыла не доносилось ни звука, который мог бы подсказать, что происходит с Илеаном. И даже если бы врачи снова появились во дворе, я теперь не сумела бы до них докричаться. Впервые за этот день я испугалась, что больше никогда не услышу от него слова «мама».

Глава 36

— Мама, ты меня слышишь? — неожиданно послышался детский голосок.

Я замерла с мокрым рукавом у лица.

Так мог обратиться ко мне только Илеан. Я узнала его голос сразу, но не понимала, откуда он доносился.

В комнате никого не было.

Я медленно опустила руку и оглянулась на дверь, потом на окно и на кровать, словно сын мог незаметно оказаться рядом. Лошадка всё ещё была у меня на коленях, и я сжала её так сильно, что сломанное ухо впилось в ладонь.

Мне, наверное, показалось. Я столько часов ждала, что Илеан позовёт меня, так боялась больше никогда не услышать его, что теперь сама придумала знакомые слова.

За окном белели крыши, а внизу поскрипывали лопаты дворников, расчищавших дорожку от снега. Все эти привычные зимние звуки казались далёкими. Я прижимала лошадку к груди, боясь поверить голосу, которого так долго ждала.

Деваир ведь только что заявил, будто со мной что-то не так.

Я хотела отмахнуться от этой мысли, но голос прозвучал слишком отчётливо. Я помнила, как именно сын произнёс «мама», и оттого ещё дольше сидела неподвижно, прислушиваясь к комнате.

— Малыш… Илеан? Это ты? — спросила я, медленно поднимаясь с кровати и осматриваясь. Я не знала, в какую сторону повернуться: казалось, голос мог раздаваться и возле окна, и прямо у меня за плечом.

В ответ прозвучало то самое детское «Да, это я, мам», которое я так мечтала услышать. Я невольно обернулась, ожидая увидеть сына возле кровати, но рядом никого не оказалось.

Я осмотрела спальню ещё раз и крепче вцепилась в спинку кровати: теперь я отчётливо слышала его ответ, хотя в комнате по-прежнему была одна.

Меня охватил страх. Может быть, я действительно сходила с ума?

После того, что произошло за этот день, мне было нетрудно поверить, что я начала слышать сына там, где его не было. И всё-таки я не могла объяснить, почему его ответ показался таким настоящим.

Я даже попыталась вспомнить, не звучал ли чей-нибудь голос из коридора, но за запертой дверью стояла тишина.

Потом я вспомнила, что Деваир сказал перед уходом: Илеан жив, но по-прежнему без сознания.

Я не видела мальчика после возвращения домой, не слышала ни одного слова от врачей и не знала, что с ним происходило теперь.

Держа перед собой лошадку, я вдруг поняла, чего боюсь гораздо сильнее собственного безумия: что, если Илеан говорил со мной потому, что уже умер?

Глава 37

— Ты умер? — прошептала я, прижимая к себе лошадку.

Вдруг Илеан пришёл попрощаться, пока его тело лежало в детской?

Я ждала ответа, боясь даже вздохнуть. Игрушка оставалась у меня в ладонях, и я смотрела на её обломанное ухо, словно ответ мог появиться прямо на дереве.

Ответа я ждала, почти не дыша. От беспомощности хотелось снова ударить в запертую дверь, потребовать немедленно привести меня к сыну.

Но если он и вправду говорил со мной сейчас только потому, что стал призраком, я могла потерять даже эти несколько мгновений, пока добиралась бы до детской.

Лошадка была единственной вещью, которую я могла удержать, не спрашивая ничьего разрешения, и я боялась разжать пальцы.

— Нет. Мам… Я здесь… Я… в лошадке… — отозвался знакомый голосок.

На мгновение я даже не поняла, что ответ означает. Илеан произнёс это так буднично, словно объяснял, где спрятался во время игры.

Только теперь никакой игры не было: его тело лежало без сознания в другом крыле, а я держала в руках деревянную игрушку.

Я знала её до последней царапины, помнила, как сын уронил лошадку на лестнице и потом требовал починить ей ухо. Илеан мог бы спрятаться за креслом или портьерой, но никак не внутри цельной деревянной фигурки.

Я перевернула игрушку и даже заглянула снизу, прежде чем опомнилась. Неужели я искала ребёнка внутри деревяшки? Муж назвал меня больной, и теперь я начинала понимать почему.

— А ну, скажи что-нибудь… — прошептала я, поднимая лошадку к лицу. Мне нужно было проверить, действительно ли я слышу сына, а не придумала его голос от отчаяния.

Я приблизила игрушку к свету камина. Обыкновенная краска кое-где стёрлась, у одной ножки осталась небольшая зазубрина. Я не нашла ничего, что могло бы объяснить голос, и почувствовала, как краснею, хотя рядом не было никого.

Если у меня действительно начались слуховые видения, они оказались до ужаса убедительными.

Я помнила не просто голос мальчика, но и его нетерпение, когда он пытался заставить меня обратить на себя внимание. Он всегда так говорил, если я слишком долго искала его или не сразу замечала протянутую игрушку.

Я приложила ухо к игрушке и услышала радостное:

— Я тут, мам!

На мгновенье я отстранила её, прислушалась к комнате и снова поднесла к уху. Голос действительно шёл из лошадки. Я села на кровать, боясь выронить её, и пыталась понять, как Илеан мог здесь оказаться.

Теперь я несколько раз проделала одно и то же: прижала лошадку к уху, осторожно отняла, прислушалась к комнате.

— Я тут!

За заколоченным окном шумел ветер, в камине потрескивали дрова, но стоило вернуть деревянный бок к щеке, как появлялась уверенность, что мальчик совсем рядом.

— Илеан, а ты меня видишь? — спросила я, вдруг подумав, что до сих пор не знаю даже этого. — Не слышишь, а именно видишь?

— Ага, — отозвался сын. — Ты сидишь на кровати. И плакала. У тебя глаза красные.

Я торопливо вытерла щёки, а затем накрыла лошадку краем одеяла. Деревянная фигурка полностью исчезла под плотной тканью. Я подержала её так немного, прежде чем снова заговорить с сыном.

— А теперь? Ты меня видишь?

— Нет, мамочка! — встревожился Илеан. — Темно стало. Я тебя больше не вижу! Убери одеяло, пожалуйста!

Я осторожно откинула одеяло и повернула лошадку мордочкой к себе. Сын сразу обрадовался, что снова видит меня. Когда я отвернула игрушку к камину, он стал рассказывать о пламени, а меня уже не видел. Значит, Илеан мог смотреть на мир только глазами деревянной лошадки. Стоило закрыть их тканью или отвернуть игрушку, и всё, что было за пределами её взгляда, исчезало для него.

Я даже подумала, не поцеловать ли игрушку, как поцеловала бы сына, и испугалась этого желания.

Мне хотелось обнять Илеана, а вместо него приходилось держать кусок дерева с обломанным ухом. Я не понимала происходящего, но уже не могла вынести мысли, что голос вдруг исчезнет.

— Ты помнишь, что случилось? — спросила я, осторожно поглаживая деревянный бок. — Как ты здесь очутился?

Глава 38

Мне пришлось сесть на край кровати, потому что стоять оказалось трудно.

Я бережно уложила игрушку поперёк коленей и придержала, опасаясь уронить. Разумеется, лошадка не могла разбиться от падения так, как поранился бы ребёнок, но я всё равно обращалась с ней осторожно, словно в ней и правда находился Илеан.

Мне было страшно спрашивать его о случившемся.

Но ещё страшнее, чем услышать ответ, было снова получить тишину и признать, что весь этот разговор существует только в моей голове.

Ответа не было. В камине потрескивали дрова. Мне сделалось стыдно перед самой собой: я разговаривала с игрушкой и ждала, что она расскажет о болезни сына. Может быть, Деваир был прав?

Я уже опускала лошадку на покрывало, когда снова раздался детский голос.

— Бабушка повела меня в какую-то комнату, — сообщил Илеан после долгой паузы. — Она надела мне на шею какую-то штуку… Золотую… Она сказала, что так нужно…

Я так резко подняла голову, что волосы задели лицо. От услышанного стало не по себе: свекровь всё это время утверждала, будто до моего приезда с мальчиком ничего не случалось.

В камине потрескивали поленья, за окном метался снег. Я вспомнила, как Илеан недавно спросил, разрешит ли бабушка гулять во дворе, если он наденет самый тёплый шарф. Он так хотел увидеть зимний сад её поместья. Теперь я слушала совсем другой его рассказ.

Нелли подтверждала её рассказ, а муж напоминал мне о найденном флаконе.

Но Илеан помнил совсем другое.

Его отвела бабушка. Сама надела на него золотую вещь. Я боялась поспешить с выводами, ведь ребёнок ещё не закончил, и потому снова поднесла лошадку к уху, стараясь не пропустить ни слова.

Я крепче сжала игрушку. Девора уверяла, что до моего прихода мальчик спал. О какой комнате он говорил? Зачем свекровь надевала ему что-то на шею?

— Что нужно? — спросила я, стараясь не повысить голос. — Что бабушка велела делать?

Я глянула на закрытую дверь. За ней могли стоять лакеи, и если бы кто-нибудь услышал, что я задаю вопросы игрушке, об этом немедленно доложили бы Деваиру.

Я приглушила голос и, несмотря на дрожь в пальцах, старалась больше не шевелить лошадку.

Мальчику было всего четыре года. Он не знал названий многих вещей, и я не хотела подсказывать ему собственные догадки.

Пусть расскажет именно то, что помнит: где был, что с ним делали и как довели его до такого состояния.

Илеан помолчал, словно вспоминал, а потом ответил:

— Нужно с ней постоять. А потом я помню, как закричал. Она засветилась. Бабушка испугалась и бросилась ко мне. Она дёргала её. А я лежал на полу. Больше я ничего не помню…

Глава 39

Я невольно коснулась собственного горла, представляя золотую вещь на шее сына. Он закричал, упал, свекровь пыталась её снять. Значит, с ним что-то случилось ещё до моего появления в детской. Я так и знала, что эта старая тварь Девора скрыла правду!

Я мысленно повторила рассказ сына. Золотая вещь. Бабушка велела с ней постоять. Предмет засветился, мальчик закричал и упал. Девора испугалась и пыталась снять то, что сама надела ему на шею.

Как же после этого она могла утверждать, что ребёнок заболел из-за меня?

Я представила Илеана на полу, испуганного, зовущего кого-нибудь, и стиснула зубы. Если бы я была там, то хотя бы подняла его на руки, постаралась успокоить, немедленно позвала помощь. Но меня рядом не было, а теперь именно мне запрещали приближаться к сыну.

— Помню, как стоял в твоей комнате, — продолжил мальчик. — Я пытался идти, звал, но никто меня не слышал… Даже когда здесь прибирались.

У меня появилось столько вопросов, что я боялась запутаться в них. Что именно светилось? Почему Девора не смогла сразу снять золотую вещь? Как она объяснила случившееся слугам? Или она их застращала так, что они все как один твердили её версию случившегося?

Я не собиралась требовать ответов от четырёхлетнего мальчика, который сказал, что больше ничего не помнит. Мне было достаточно того, что он назвал бабушку и рассказал о происшествии, которое она скрыла от нас.

Я думала о том, что Деваир должен услышать эти слова сам. Тогда он, возможно, перестанет искать виновную только во мне.

Я оглядела спальню, приготовленную слугами к нашему возвращению. Илеан пытался позвать их, но никто не отозвался. Я не понимала, почему теперь слышу его из лошадки, и не знала, что происходит с его телом. Зато сын мог рассказать отцу о поступке бабушки.

Если Илеан действительно находился здесь, пока слуги прибирались, значит, он пытался позвать людей, которые спокойно проходили мимо.

Я представила его растерянность: маленький мальчик привык, что на зов обязательно приходит кто-нибудь из взрослых, особенно когда он зовёт маму. А тут никто не обернулся. Мне захотелось сказать ему, что я бы непременно услышала, если бы была рядом.

Я едва удержалась от этих слов, потому что сама находилась дома теперь, а всё равно понятия не имела, как ему помочь.

Только поверит ли Деваир? Он уже объявил меня душевнобольной. Что скажет, если я протяну ему игрушку и попрошу выслушать её? Я погладила лошадку по потёртой гриве, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— А папе ты повторить это сможешь? — спросила я, прижав игрушку к уху.

Мне было страшно получить отказ. Деваир ещё недавно велел держаться от сына подальше и объявил меня психически нездоровой.

Рассказ о том, что ребёнок разговаривает из деревянной лошадки, для него прозвучит ещё невероятнее, чем мои прежние объяснения. Но если отец услышит голос Илеана собственными ушами, ему придётся выслушать мальчика, а не Девору и Нелли.

Я придерживала лошадку так осторожно, будто теперь от неё зависело всё, что осталось от моей семьи.

Илеан уверенно отозвался:

— Смогу!

Глава 40

Я узнала это воодушевление: так он отвечал, когда ему поручали важное дело. Я прижала лошадку к груди и поднялась с кровати.

Я поцеловала потёртый деревянный бок, прежде чем успела подумать, насколько нелепо это выглядело.

Мне хотелось обнять сына, а сделать я могла только это. Его короткое уверенное «смогу» придало мне сил, которых не осталось после разговора с мужем и часов взаперти. Теперь я не собиралась просить Деваира поверить мне на слово. Сын сам расскажет, что помнит. Нужно было лишь заставить отца хоть ненадолго прислушаться.

У двери я застучала, требуя немедленно позвать Деваира. Лакей напомнил о запрете выходить, но я никуда и не собиралась: пусть муж сам придёт сюда. Я повторяла требование, пока за дверью не удалились шаги, а потом ждала, обхватив игрушку ладонями. Боялась, что сын замолчит прежде, чем отец его услышит.

Я осталась у двери, не в силах заставить себя вернуться к кровати.

Всё время прикладывала лошадку к уху, но не решалась задавать новые вопросы: Илеан уже согласился говорить с папой, а я боялась утомить его бесконечными просьбами.

Я старалась придумать первые слова для мужа, хотя понимала, что любое объяснение про голос из игрушки прозвучит безумно. Пальцы то и дело соскальзывали с деревянного бока, и мне приходилось снова перехватывать лошадку обеими руками.

Наконец в замке повернулся ключ. Деваир появился на пороге, явно раздражённый тем, что его оторвали от сына, и спросил:

— Чего тебе?

Я протянула мужу лошадку. Он посмотрел на неё, затем на моё лицо, и я поняла, как безумно выгляжу в его глазах. Но если Илеан повторит рассказ, у нас наконец появится шанс узнать правду.

— Слушай! — произнесла я, удерживая игрушку перед мужем. — Не спрашивай, как… Просто слушай.

Деваир посмотрел на меня и нахмурился. Он не протянул руки к игрушке и даже не наклонился, чтобы рассмотреть её поближе; стоял у порога, словно ждал, когда я наконец объясню, зачем оторвала его от сына.

Мне пришлось ещё раз напомнить себе, что Илеан действительно говорил со мной и обещал повторить всё отцу. Я боялась, что муж уйдёт прежде, чем мальчик успеет произнести хоть слово.

— Зачем? — спросил Деваир, переведя взгляд с моего лица на обломанное ухо лошадки. Он выглядел недовольным, и в его голосе уже слышалось нетерпение.

— Ты услышишь сына! Он расскажет тебе, что там было! — произнесла я, прижимая лошадку к груди, как самое дорогое, что у меня осталось. — Только послушай, прошу тебя. Я сама ничего не понимаю, но Илеан разговаривает со мной! Он помнит то, что случилось у твоей матери!

Муж выпрямился, и я заметила, как изменилось его лицо.

Совсем недавно он смотрел на меня с той же настороженностью, когда говорил о моей душевной болезни. Мне захотелось объяснить всё сразу, рассказать о голосе, о золотом предмете, о бабушке, которая пыталась его снять.

Но я понимала: если начну снова обвинять Девору, Деваир даже не станет слушать. Поэтому я поднесла лошадку к самому лицу, осторожно поглаживая потёртую деревянную гриву.

— Илеан, скажи папе! — попросила я, стараясь говорить спокойно. — Малыш, папа здесь, рядом со мной. Он слушает тебя. Пожалуйста, поговори с ним так же, как со мной.

Я замолчала и прислушалась. В эти несколько секунд мне было страшнее, чем когда я ждала ответа впервые. Я почти физически ощущала взгляд мужа на себе, понимала, что он оценивает каждое моё движение, и боялась, что Илеан вдруг не ответит. Но детский голосок раздался почти сразу.

— Папа! Я здесь! — радостно сообщил мальчик, и мне захотелось одновременно засмеяться и разрыдаться.

Глава 41

Он звал отца так привычно, будто тот только что вошёл в детскую, а не стоял перед матерью, держащей деревянную игрушку.

Я повернула лошадку к Деваиру, чуть подавшись вперёд. На этот раз он наверняка должен был услышать! Голос сына звучал совершенно отчётливо, без помех, и у меня не возникло ни малейшего сомнения в том, кому он принадлежит.

— Вот, слышишь?! — обрадовалась я, переводя взгляд с игрушки на мужа. — Это Илеан! Ты ведь узнал его голос?

Деваир странно посмотрел на меня. Вместо удивления или радости на его лице проступило недоверие.

Он перевёл взгляд на лошадку, потом на мои руки, которые сжимали её слишком крепко. Меня охватило неприятное чувство: муж словно пытался понять не то, откуда доносится голос сына, а что со мной происходит.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил он, глядя на лошадку в моих руках. — Ты позвала меня, чтобы рассказать, что лошадка говорит голосом сына?

Я растерялась. Как можно было так истолковать происходящее?

Ребёнок только что позвал отца, а муж говорил со мной так, будто я предложила ему принять участие в нелепой игре. Я машинально прижала лошадку к груди, затем снова протянула вперёд, не зная, как заставить его прислушаться.

— Нет! Сын говорит через неё! — возмутилась я, стараясь смотреть мужу прямо в глаза. — Он сказал мне, что бабушка отвела его в какую-то комнату, надела золотое украшение. И ему стало плохо. Бабушка перепугалась… И он с тех пор такой! Милый, повтори папе! — попросила я, поглаживая игрушку. — Всё, как рассказал мне. Про бабушку, про золотую вещь!

На этот раз Илеан не стал долго молчать. Он начал вспоминать вслух, немного запинаясь, и я старалась удерживать лошадку неподвижно между собой и Деваиром, чтобы ни одно слово не потерялось.

— Папа, бабушка повела меня в комнату, — сообщил сын. — Она мне на шею золотую штуку надела. Сказала, надо с ней постоять. Потом она засветилась, я закричал… Бабушка испугалась, ко мне побежала и дёргала её. А я на полу лежал. Больше ничего не помню…

Я взглянула на Деваира, ожидая, что он наконец отреагирует на рассказ сына. Ведь теперь речь шла не о моих подозрениях.

Наш ребёнок собственным голосом говорил о происшествии, которое свекровь скрыла от мужа. Я уже хотела попросить его немедленно расспросить Илеана, как мальчик продолжил, и я снова поднесла игрушку ближе к отцу.

— А потом я тут был, мам, — добавил Илеан с той детской обидой, которую я так хорошо знала. — В твоей комнате. Я звал, а никто не слышал. Даже когда прибирались.

Я смотрела на мужа, а взгляд его становился всё холоднее. Он не оглянулся на комнату, услышав о слугах, не спросил про золотой предмет, даже не наклонился к лошадке.

Вместо этого продолжал наблюдать за мной, за моими руками и тем, как я прислушиваюсь к ребёнку. Каждая следующая секунда делала его лицо более замкнутым.

Мне стало не по себе: я слышала каждое слово Илеана, а Деваир вёл себя так, будто в спальне кроме меня никто не говорил.

Глава 42

— Вот! Слышал? — произнесла я, глядя мужу в глаза. — Это ведь он! Ты сам всё слышал. Теперь понимаешь, что твоя мать не рассказала нам правду?

Деваир медлил с ответом. Я видела, как он посмотрел на лошадку, потом снова на меня, и ожидала хотя бы вопроса. Но муж даже не попытался приблизиться к игрушке. Его молчание стало настолько мучительным, что я едва удержалась от нового крика.

— Тебе бы отдохнуть, — произнёс он с неожиданной осторожностью, как будто разговаривал с человеком, которого боялся лишний раз расстроить.

— Ты слышал голос сына?! — закричала я, не выдержав. — Деваир, он только что с тобой разговаривал! Ты ведь слышал, что он сказал про бабушку? Про украшение на шее?

Муж посмотрел на лошадку в моих руках, и мне показалось, что сейчас он попытается отнять её. Я шагнула назад, прижимая игрушку к себе.

Если Деваир заберёт лошадку, я рискую потерять единственную возможность разговаривать с сыном. Мне стало страшно от того, что я уже защищаю её от собственного мужа.

— Вот теперь я действительно вижу, что ты нездорова, — заметил Деваир, глядя на деревянную фигурку.

Он говорил спокойно, без прежней ярости, и от этого мне стало ещё страшнее: муж словно окончательно убедился в своей правоте.

Я смотрела на него, чувствуя, как во рту пересохло. Если бы он просто не разобрал слова Илеана, то мог бы попросить повторить. Но Деваир не делал ничего подобного. Он видел только меня, которая держит игрушку и настойчиво требует прислушаться к ней.

— Ты ничего не слышал? — спросила я уже тише.

Мне понадобилось немало усилий, чтобы произнести этот вопрос; ответ пугал больше всех прежних обвинений.

Деваир покачал головой и задержал на мне долгий, тяжёлый взгляд. Он не выглядел рассерженным. Скорее, окончательно разуверившимся в том, что я способна объяснить своё поведение.

— Ничего, — ответил он, и я невольно опустила глаза на лошадку.

Илеан совсем недавно разговаривал из неё, но отец не услышал ни одного слова.

Вместо привычного семейного вечера, когда мы с Деваиром обсуждали, куда поставить новогоднее дерево, я стояла перед мужем с игрушкой в руках и пыталась доказать, что внутри неё говорит наш сын. За окном падал снег, но даже эта знакомая зимняя тишина больше не приносила покоя.

Я не понимала, как это возможно. Деваир стоял совсем рядом. Сын повторил весь рассказ и даже позвал его по имени.

А теперь муж смотрел на меня с ещё большим подозрением, чем прежде. Мне хотелось снова попросить мальчика заговорить, приложить игрушку прямо к уху Деваира, но я уже видела, к чему ведут мои попытки: каждый новый вопрос убеждал мужа вовсе не в том, что с Илеаном случилось нечто ужасное, а в том, что я теряю рассудок.

Муж ещё раз покачал головой, глядя на меня и на лошадку, которую я прижимала к груди. Я заметила, как напряжённо сжались его губы, прежде чем он заговорил, и приготовилась услышать очередное обвинение.

— Видимо, я правильно сделал, когда сказал тебе держаться подальше от ребёнка. Как чувствовал, — произнёс он с мрачной уверенностью. — Отдыхай. Я позову доктора. Если завтра у тебя это не пройдёт.

Глава 43

За дверью ещё слышались шаги Деваира. Я остановилась посреди спальни с деревянной лошадкой в руках, надеясь, что он вернётся или хотя бы прикажет сообщить мне о состоянии Илеана.

Но муж задержался возле лакеев, и я услышала его голос — спокойный, почти будничный, словно он давал распоряжения по поводу хозяйства.

— Смотрите, чтобы моя супруга не выходила. Если будет шум внутри, сразу входите в комнату, — приказал он. — Если она попытается причинить себе боль, разрешаю применить силу.

Я отошла от двери. Слова доходили до меня медленно. Деваир говорил обо мне, своей жене, как о человеке, который не отвечает за собственные поступки.

Неужели он всерьёз думает, что я собираюсь причинить себе вред?

Я только что пыталась заставить его услышать сына, а муж, по-видимому, решил, что после этого мне нельзя оставаться без присмотра. Я взглянула на игрушку, которую прижимала к груди, и вспомнила холодное выражение его лица, когда Илеан позвал его из лошадки.

В коридоре кто-то почтительно согласился с герцогом. Деваир помедлил, и я уже хотела подойти к двери, когда он добавил:

— И… пусть двое её держат, а остальные вынесут из комнаты всё, что может причинить ей вред. Пояса, верёвки, шторы, зеркало… Про зеркало не забудьте. Она может его разбить и повредить себя. И ящики стола проверьте.

Я оглянулась на туалетный столик. В его ящиках лежали мои вещи, а сверху стояла шкатулка с украшениями.

Над столиком висело большое зеркало. В нём отражалась кровать, где прежде Илеан любил прыгать среди подушек, несмотря на мои предупреждения. У окна тяжелели складки портьер, которые я выбирала для нашей спальни.

Муж перечислил их так, словно всё это было оружием, которое необходимо немедленно убрать подальше от меня.

Мне стало страшно не потому, что вещи могли исчезнуть. Я вдруг поняла, насколько далеко зашло недоверие Деваира. Теперь он не только запретил мне видеть сына, но и разрешил слугам удерживать меня силой.

Те же лакеи, которые ещё утром кланялись своей госпоже, должны были хватать меня за руки и не позволять распоряжаться собственными вещами.

Как я докажу, что здорова, если любое сопротивление муж сочтёт признаком болезни?

Я открыла рот, собираясь окликнуть его, но передумала. За дверью стояли люди, которым он только что приказал входить при малейшем шуме.

Стоило начать кричать, и они исполнили бы распоряжение немедленно. Я прижала к себе лошадку, ощутив под пальцем неровное сломанное ухо. Если эти люди решат, что игрушка тоже опасна, они заберут её.

А вместе с ней исчезнет единственная возможность говорить с Илеаном.

Шаги Деваира удалились.

Я долго стояла возле кровати, не решаясь даже положить лошадку на покрывало, пока в коридоре переговаривались лакеи.

Всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо, мне казалось, что сейчас повернётся ключ. И всё же я до последнего надеялась, что муж одумается. Не может же он всерьёз распорядиться вынести зеркало, шторы и картины только потому, что жена не перестала спрашивать о сыне?

Примерно через десять минут дверь открылась. В спальню вошли два лакея, затем несколько слуг с коробками и горничная. За ними несли небольшую лестницу, необходимую, чтобы добраться до карниза.

Никто не смотрел мне в глаза. Я шагнула навстречу старшему лакею, стараясь держаться как хозяйка дома, хотя лошадку уже машинально спрятала за складками платья.

Я заметила, как старший лакей кивнул двум мужчинам, не сводившим с меня глаз.

Глава 44

— Надеюсь, вы понимаете, что делаете, — произнесла я, останавливаясь перед мужчинами. — Я не собираюсь причинять себе вред. Вы можете сообщить герцогу, что я вполне способна отвечать за свои поступки. И оставьте мои вещи в покое.

Вместо ответа старший лакей склонил голову, а двое мужчин подошли с разных сторон. Я сразу поняла, зачем именно их было двое, и отступила к кровати, но они не позволили мне пройти.

Один удержал меня за плечи, другой перехватил предплечья. Я попробовала вырваться, и повреждённое кольцом Деворы запястье отозвалось острой болью. Лошадка оказалась зажата между моими ладонями и грудью.

— Не трогайте меня! — закричала я, пытаясь высвободить хотя бы одну руку. — Я ваша госпожа! Уберите руки! Я никому ничего не сделала!

Я почувствовала, как пальцы одного из мужчин задели ссадину на запястье. Он немного переменил хватку, но не отпустил меня, и стало ясно, что они не собираются оспаривать приказ герцога.

— Простите, ваша светлость, — ответил старший лакей, не поднимая глаз. Его голос оставался почтительным, хотя он уже кивнул остальным, разрешая начать работу. — Мы обязаны выполнить распоряжение. Прошу вас, не сопротивляйтесь, тогда мы не причиним вам боли.

Я посмотрела на людей, державших меня, и почувствовала унижение, от которого лицо обожгло сильнее прежней пощёчины свекрови. Со мной разговаривали, как с опасной больной, обещая не сделать больно в обмен на послушание.

Я могла приказать этим людям принести чай, подать карету, растопить камин. Теперь же не могла заставить их даже выпустить мои руки.

Пришлось замереть, чтобы не выронить лошадку, потому что её я отдать не собиралась.

На краю туалетного столика ещё лежала красная лента, которой я собиралась перевязать подарочную коробку для Илеана. Горничная направилась к столику, и я испугалась, что она заберёт даже эту ленту, не спросив, хочу ли я оставить её себе. Я вдруг поняла, как мало осталось от приготовленного нами праздника.

Горничная подошла к туалетному столику. Она открыла верхний ящик, достала коробку и одним движением ссыпала туда ленты, гребни, шпильки и маленькие футляры.

Потом провела ладонью по дну, проверяя, не осталось ли чего-нибудь. Я ещё никогда не видела, чтобы мои вещи собирали с таким равнодушием.

Обычно девушка старалась разложить всё по местам, потому что знала, насколько я не люблю беспорядок.

— Осторожнее! — попросила я, когда она взяла шкатулку с украшениями. — Там есть дорогие мне вещи. Поставьте шкатулку обратно! Вы ведь понимаете, что я ничего с ней не сделаю?

Горничная покраснела и всё равно положила шкатулку в коробку. Я вспомнила, как Деваир застёгивал на мне одно из ожерелий и сам выбирал к нему серьги.

Теперь его подарки уносили из комнаты по его приказу. Мне захотелось вырваться, подойти к столику, хотя бы самой убрать вещи, но мужчина за спиной тотчас усилил хватку, когда я пошевелилась.

У окна двое слуг уже снимали портьеры. Один поднялся по лестнице и освобождал крепления, второй подхватывал тяжёлую ткань. Она громко зашуршала, падая на руки слуги.

Без занавесей обнажилось новое магическое стекло, раму которого ещё недавно заколотили гвоздями.

Я смотрела на холодный прямоугольник окна и вспоминала, как ещё совсем недавно разбила прежнее стекло стулом, пытаясь узнать у врачей, жив ли сын. Теперь мне не оставили даже возможности отгородиться от чужих взглядов.

Глава 45

Затем мужчины подошли к зеркалу. Они осторожно сняли его со стены и повернули боком, чтобы пронести мимо кровати.

На мгновение я увидела своё отражение: волосы растрепались, щёки горели, а за моей спиной стояли лакеи, удерживающие руки. Мне стало невыносимо стыдно, хотя я не совершила ничего постыдного.

Когда зеркало исчезло за дверью, над туалетным столиком остался светлый прямоугольник обоев.

— Отпустите хотя бы больную руку, — попросила я, стараясь говорить ровнее. — Вы видите, я не сопротивляюсь. Мне просто больно. Если вы хоть немного уважаете меня, не держите так крепко.

Один из лакеев ослабил пальцы, но отпускать не стал.

Я видела, как он прячет глаза, и понимала: он не хочет поступать со мной подобным образом, однако куда сильнее боится ослушаться герцога.

Никто из слуг не предложил позвать мужа или уточнить распоряжение. Для них всё было решено, и моё мнение больше ничего не значило.

Когда горничная вынесла очередную коробку, один из мужчин поднял взгляд к картинам. Большое полотно висело над камином, два других — на противоположной стене.

Слуга подошёл к ближайшей раме, но остановился, словно не был уверен, распространяется ли приказ и на эти вещи.

— Картины снимать? — спросил он, обращаясь к старшему лакею, и я невольно повернула голову, ожидая услышать, что хотя бы картины оставят.

Старший лакей посмотрел на полотно, затем на пустую стену над столиком, где ещё недавно висело зеркало. Судя по его лицу, он решал не то, есть ли в этом смысл, а не получит ли выговор, если что-нибудь оставит.

— Распоряжения по поводу картин не поступало, — ответил старший лакей, оглядев уже почти пустую комнату. — Снимай на всякий случай.

Я не выдержала. Меня держали двое мужчин, я даже не могла подойти к стене, а теперь при мне начали снимать картины, не имеющие никакого отношения к приказу Деваира.

— Вы хоть понимаете, что делаете?! — потребовала я ответа, глядя прямо на старшего. — Как я могу навредить себе картиной, висящей на стене? Или вам просто нужно унести всё, чтобы не рисковать перед господином?

Он промолчал. Один слуга подхватил раму, второй осторожно снял её с крючка. Затем исчезло следующее полотно.

На обоях остались светлые прямоугольники, по которым можно было угадать размер каждой картины.

Я следила за ними и чувствовала, будто из моей жизни вырывают знакомые куски, оставляя только следы на стенах.

Когда один из слуг подошёл к нам, я невольно повернулась боком, защищая лошадку. Он всего лишь хотел пройти к стене, но я испугалась, что заметил игрушку и сейчас велит забрать её тоже.

Старший лакей посмотрел на мои руки, заметил деревянную фигурку и ничего не сказал. Я едва удержалась, чтобы не выдохнуть с облегчением. Пусть все считают её простой игрушкой ребёнка, единственной безобидной вещью, которую можно оставить несчастной герцогине.

Через двадцать минут мужчины наконец отпустили меня.

Уходя, они унесли последние коробки, снятые портьеры, зеркало и картины. Горничная оставила ящики пустыми, а шкатулка с украшениями исчезла вместе со всеми мелочами.

Старший лакей окинул комнату взглядом, словно проверял, не осталось ли здесь чего-нибудь, чем я могла причинить себе вред, затем поклонился и вышел. Дверь снова заперли.

Я осталась стоять посреди почти пустой спальни.

Свет падал на ковёр без привычных занавесей. На стенах темнели маленькие отверстия от креплений, а светлые прямоугольники на обоях напоминали, где висели картины.

Я машинально подошла к туалетному столику, подняла глаза туда, где прежде было зеркало, и только потом вспомнила, что его больше нет.

Пустое место над столиком почему-то обидело сильнее всего: даже собственного отражения у меня теперь не осталось.

Глава 46

Я выдвинула первый ящик, потом второй. Пусто. На месте шкатулки виднелся более светлый участок поверхности, которого раньше не замечала.

Муж распорядился сделать комнату безопасной для меня, но я никогда ещё не чувствовала себя настолько чужой в собственном доме.

Хотелось сесть и разрыдаться, однако слуги могли вернуться при любом шуме. Я не стала проверять, насколько буквально они исполнят его приказ.

Лишь опустив глаза, я увидела лошадку и ощутила настоящее облегчение. Её не забрали. Всё остальное исчезло, даже любимые вещи, но маленькая деревянная фигурка осталась у меня.

За заколоченным окном медленно шёл снег. Я вспомнила, как сын обещал показать мне снежного дракона, которого собирался слепить во дворе.

Я осторожно провела пальцем по обломанному уху и поднесла игрушку к лицу, стараясь, чтобы голос не выдал моей тревоги.

— Илеан, ты здесь? — спросила я почти шёпотом, прислушиваясь к потрескиванию огня в камине. Мне хотелось услышать хотя бы одно слово, чтобы не чувствовать себя в комнате совсем одной.

Я прижала лошадку ближе к уху. После того как слуги вынесли все привычные вещи, мне стало особенно страшно услышать тишину.

Я почти не дышала, ожидая ответа.

— Да, мам, здесь, — ответил знакомый голосок. Илеан говорил так устало, что мне захотелось немедленно взять его на руки. — Мама, я не могу уснуть…

Слова больно отозвались в груди. Сколько раз он приходил к нам ночью, жаловался на дурные сны, просил посидеть рядом, пока не заснёт!

Я всегда поправляла ему подушку, приглаживала волосы и ждала, когда дыхание станет ровным.

Теперь его тело лежало в детской без сознания, а голос доносился из лошадки. И я не могла сделать ничего, кроме самого обыкновенного материнского жеста.

— Сейчас мама тебя уложит в кроватку, — прошептала я, стараясь говорить ласково и не расплакаться. — Ты только не бойся, мой хороший. Мама рядом.

Я откинула край одеяла, устроила лошадку на соседней подушке и осторожно накрыла её тканью, оставив снаружи деревянную голову. Игрушка лежала неудобно, и я поправила её так, чтобы сломанное ухо не цеплялось за наволочку.

Потом села рядом и погладила шершавый бок, представляя, что приглаживаю волосы маленькому мальчику, который ещё совсем недавно возмущался, если я слишком долго не желала ему спокойной ночи.

— Спокойной ночи, малыш, — прошептала я, склонившись к игрушке. — Спи, родной. Я с тобой.

Я легла рядом, не убирая ладони далеко от лошадки. В комнате было необычно светло из-за снятых портьер, и я долго не могла закрыть глаза. Свет фонаря падал прямо в комнату, от чего казалось, что за окном рассвет.

Иногда хотелось снова спросить, слышит ли меня сын, но он говорил, что не может уснуть, а я не собиралась тревожить его ещё больше.

Я слушала редкие шаги за дверью и представляла, как он лежит возле меня, прижав щёку к подушке.

Может быть, я и вправду сошла с ума?

Разговаривала с игрушкой, укладывала её под одеяло и желала ей спокойной ночи. Если бы меня увидел Деваир, он наверняка приказал бы забрать лошадку и только укрепился бы в своих подозрениях.

Я понимала, как это выглядит со стороны, но не могла заставить себя отказаться от знакомого голоса. Может быть, он мне чудился. Может быть, я настолько боялась потерять Илеана, что сама придумала себе эту странную возможность быть рядом.

Я не знала. И всё-таки заснула, оставив руку возле его игрушки.

Утром меня разбудил звук открывающейся двери.

Я сначала не узнала спальню: над столиком отсутствовало зеркало, окно осталось без штор, а на стенах белели следы картин.

Затем увидела лошадку на соседней подушке и машинально прикрыла её ладонью. В комнату вошёл незнакомый доктор, а позади него стоял Деваир.

Глава 47

Муж пропустил лекаря вперёд, но сам остановился в дверном проёме. Я поспешно села и поправила одеяло, стараясь не смотреть на игрушку.

Мне хотелось первым делом спросить о состоянии Илеана, однако Деваир молчал и наблюдал за мной так внимательно, словно заранее ожидал чего-то странного.

— Мне сказали, что вы себя плохо чувствуете, — заметил доктор, придвинув к кровати стул. Он оглядел пустые стены, но не стал задавать вопросов о том, куда исчезли вещи. — Я хотел бы с вами побеседовать, если вы не возражаете.

Я невольно посмотрела мимо доктора на мужа. Он стоял у двери совершенно спокойно, словно после вчерашнего приказа обыскать мою спальню ему даже не приходило в голову спросить, что я чувствую.

— А как, по-вашему, может чувствовать себя мать, у которой ребёнок между жизнью и смертью? — спросила я, глядя ему в глаза. — Мой сын по-прежнему без сознания, а мне запрещено к нему приближаться. Мне ничего не говорят о его состоянии. Я почти ничего не знаю. Я почти не спала и очень тревожусь за него. Что же здесь удивительного?

Я услышала резкость собственного голоса и с трудом разжала пальцы на одеяле. Если сейчас начну кричать, Деваир решит, что оказался прав, ещё до того как врач задаст первый вопрос.

— О, мадам, я искренне надеюсь, что ваш сын поправится, — ответил доктор, выслушав меня без раздражения. — Я понимаю, насколько тяжёлыми могут быть подобные переживания. Именно поэтому мне и хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Я взглянула на мужа. После вчерашнего разговора с лошадкой он, очевидно, решил проверить мое душевное состояние.

И это вдруг показалось мне настолько унизительным, что я едва не вспылила. Но тут же остановила себя. Может, это мой шанс? Может, доктор решит, что я совершенно здорова и тогда есть шанс, что все изменится к лучшему?

Я не собиралась сообщать доктору, что слышала голос Илеана и ночью. Если он узнает об этом, игрушку могут забрать, а у меня не останется даже той малой возможности разговаривать с сыном, которую удалось сохранить.

Я заставила себя говорить спокойно с той светской любезностью, с которой разговариваешь с малознакомыми людьми на балах, и разрешила врачу продолжать.

Доктор достал блокнот в черной кожаной обложке и начал с вопросов.

— Мадам, вы хорошо помните вчерашний день?

— Да, я помню его хорошо, — кивнула я. — Я прекрасно помню, как проснулась, как мы приехали в поместье, как я поднялась на этаж и увидела сына в таком ужасном состоянии. Помню, как меня обвинили в том, чего я не делала. Потом помню, как муж разговаривал со слугами матери, потом помню возвращение в карете.

— Ваш супруг сказал, что вы вчера разбили стулом окно. Вы помните этот эпизод? — спросил доктор, поглядывая на Деваира.

Глава 48

— Да, я прекрасно помню этот эпизод. Как только мы вернулись, меня заперли в комнате. С момента возвращения я не видела сына и не слышала новостей о нем. Я увидела, как доктора выходят из дома, попыталась открыть окно, но оно было закрыто. И тогда, чтобы не терять время, я разбила его. Мне нужно было знать, что происходит с моим ребёнком, — спокойно ответила я.

Доктор вздохнул, кивнул и что-то записал себе.

— Вы находите это странным? — спросила я, видя, как доктор перечитывает написанное. — Если вы действительно находите это странным, то подумайте, как бы вы поступили на моем месте? У вас есть дети, доктор?

— Да, сын и дочь, — произнес доктор.

Из окна без портьер в комнату падал белый зимний свет. Доктор мог посмотреть на заснеженный двор и уйти, когда пожелает. Я же сидела напротив него и вынуждена была объяснять, почему мать пытается узнать, жив ли её ребёнок.

— А теперь представьте, что они больны, а вас заперли. И ничего вам не говорят. Как бы вы поступили на моем месте? — спросила я, внимательно глядя на доктора.

Тот сделал какую-то пометку в блокноте.

— Мадам, вас никто не осуждает за ваш поступок с окном. Сейчас вам хотят помочь, — улыбнулся доктор.

— Единственная помощь, которая мне нужна, — это возможность видеть сына. И знать, что с ним. Другая помощь меня не интересует, — ответила я, видя, как доктор снова делает пометку в своих записях.

Деваир стоял позади него с непроницаемым лицом.

Затем доктор спросил, знаю ли я, какой сегодня день, где нахожусь и как давно не видела сына.

Вопросы показались мне странными, но я отвечала последовательно.

Мне не хотелось, чтобы муж хоть на мгновение решил, будто я растерялась или не понимаю происходящего. Когда врач осведомился, не кажется ли мне, что кто-нибудь намеренно следит за мной, я посмотрела на дверь, возле которой стоял Деваир, и сдержала горькую усмешку.

— За мной действительно следят лакеи, — ответила я, не повышая голоса. — Так распорядился муж. Но я понимаю, что они исполняют приказ моего супруга. Он уверен, что я способна себе навредить. Он сомневается в моем душевном здоровье, поэтому вы здесь.

Врач кивнул и неожиданно заговорил о погоде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.